



ПИТЕР МЭЙ

**ОТ АВТОРА ДЕТЕКТИВОВ,
ПРОДАННЫХ ОБЩИМ ТИРАЖОМ
В ТРИ МИЛЛИОНА ЭКЗЕМПЛЯРОВ**

ЛОКДАУН

**ГОРОД
НА
КАРАНТИНЕ,
ТРУП РЕБЕНКА,
ВЛИЯТЕЛЬНАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ**

«ПИТЕР МЭЙ – ПИСАТЕЛЬ, ЗА КОТОРЫМ
Я БЫ ПОСЛЕДОВАЛ НА КРАЙ СВЕТА»
THE NEW YORK TIMES

Игра на выживание: серьезный детектив

Питер Мэй

Локдаун

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Мэй П.

Локдаун / П. Мэй — «Эксмо», 2020 — (Игра на выживание: серьезный детектив)

ISBN 978-5-04-114278-0

Всемирно известный, любимый критиками и публикой, Питер Мэй вновь удивляет читателей своим криминальным триллером, описывая мир, скорого наступления которого никто не мог предвидеть и в котором мы все оказались в 2020 году. «Локдаун» – это виртуозно написанный роман, в котором каждый тщательно выверенный факт стоит на своем месте. «Локдаун» – это Лондон на фоне глобальной эпидемии. Эта книга, которая описывает опыт выживания в закрытом городе под угрозой смертельного вируса, была написана в 2005 году, но 15 лет назад показалась издателям неправдоподобной дистопией, а сейчас удивляет и пугает своим правдоподобием, которое до дрожи напоминает предвидение.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-114278-0

© Мэй П., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Предисловие | 6 |
| Пролог | 7 |
| Глава 1 | 9 |
| I | 9 |
| II | 11 |
| III | 13 |
| Глава 2 | 15 |
| I | 15 |
| II | 19 |
| Глава 3 | 22 |
| I | 22 |
| II | 25 |
| III | 27 |
| Глава 4 | 31 |
| Глава 5 | 33 |
| I | 33 |
| II | 36 |
| III | 38 |
| IV | 41 |
| Глава 6 | 43 |
| I | 43 |
| II | 46 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 47 |

Питер Мэй Локдаун

ПОСВЯЩАЕТСЯ СЬЮЗИ

Это худший вирус из тех, что я когда-либо встречал... От него никто и нигде не скроется.

Роберт Вебстер, вирусолог Детская научно-исследовательская больница Св. Иуды Мемфис, штат Теннесси, США

LOCKDOWN © Peter May, 2020

© Рокачевская Н., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Предисловие

В 2005 году я не сумел найти издателя ни для романа «Скала», ни для первой книги из серии «Энцо», «Опасная тайна зала фресок», и начал собирать материал для криминального романа, разворачивающегося на фоне пандемии птичьего гриппа.

Ученые предсказали, что, скорее всего, следующую пандемию гриппа вызовет птичий грипп, или H5N1. В 1918 году испанка унесла жизни от двадцати до пятидесяти миллионов людей по всему миру, а от птичьего гриппа со смертностью шестьдесят процентов и выше это число закономерно должно было быть гораздо больше.

Я уже собирал материал об испанке для «Змееголова», одного из моих «китайских» триллеров, и неплохо разобрался в теме. Но все равно не был готов к тому, чем обернется мое расследование относительно H5N1, и пришел в ужас от того, что пандемия птичьего гриппа может уничтожить весь мир.

Я начал размышлять о хаосе, который вызовет эпидемия, как быстро начнет распадаться общество. В качестве места действия, эпицентра пандемии, я выбрал Лондон, который полностью закрывают на карантин. На этом фоне, на месте лихорадочного строительства нового полевого госпиталя обнаруживают кости убитого ребенка. Детектив Джек Макнил приступает к расследованию, хотя вирус затронул и его собственную семью.

Я написал «Локдаун» в течение полутора месяцев, засиживаясь за полночь. Его так и не опубликовали. Британские издатели в то время посчитали изображение Лондона под осадой невидимого врага, H5N1, нереалистичным – дескать, такого никогда не случится, хотя мое расследование показало, что это возможно. Потом серию «Энцо» купило американское издательство, и мои «Китайские триллеры» поначалу вышли в США. Мой фокус переместился на другую сторону Атлантики, а «Локдаун» так и остался лежать в папке на Дропбоксе. До сего дня.

Я пишу это, запертый в четырех стенах своего дома во Франции, мне запрещено выходить, кроме как в исключительных обстоятельствах. Новый коронавирус Covid-19 опустошает мир, и общество быстро распадается. И хотя смертность от этого вируса составляет всего малую долю от смертности вследствие птичьего гриппа, политики с трудом сдерживают хаос и панику, которая распространяется из-за Covid-19 по всему миру. Параллели с «Локдауном» ужасают. Так что настал подходящий момент открыть ту пыльную папку на Дропбоксе, вытащить старую рукопись и поделиться ею с читателями, пусть даже только для того, чтобы понять, насколько хуже все могло бы быть.

*Питер Мэй
Франция, 2020 год*

Пролог

Крик отдается эхом в темноте, едва прорываясь через сдавленное страхом горло. Звук дрожит из-за охватившего ее ужаса. От такого вопля у любого смертного застыла бы в жилах кровь, но толстые стены старого дома смыкаются вокруг ночной жути, а единственные уши, способные услышать, глухи к ее мольбам.

Он ругается, сопит и сплевывает в темноте, зло и раздраженно. Она слышит его шаги на лестнице и знает – сейчас ей сделают больно. И этому человеку она доверяла, даже любила. Ее захлестывает непонимание. Как такое возможно? Она вспоминает холодное прикосновение его ладони к своему разгоряченному лбу во время долгих и мучительных дней болезни. Жалость в его глазах. А теперь в этих глазах пылают ярость и угроза.

Она задерживает дыхание. Он поднялся еще на один лестничный пролет. Он думает, что она на последнем этаже, и она выскальзывает из кабинета и видит тень на лестнице – он идет к комнатам в мансарде. Она разворачивается и спешит вниз, к падающему из витражных окон на пол прихожей свету. Ноги тонут в толстом ковре. Пальцы в отчаянии цепляются за ручку, нажимают на нее. Но дверь заперта. Выхода нет.

Она замирает и слышит, как он спускается. Он знает, что упустил ее. Мгновение она колеблется. Из ванной под главной лестницей ступеньки ведут в подвал. Но если спуститься туда, она окажется в ловушке. Из подвала в переулок между домами выходит только старое окошко для угля, и какой бы она ни была миниатюрной, в щель не протиснуться.

Дом сотрясается от шагов по лестнице, и она в панике разворачивается, но видит перед собой только лишь девочку. Призрака в белой ночной рубашке, с коротко стриженными черными волосами, светло-кариими глазами с расширенными от ужаса зрачками и белым лицом, словно присыпанным мелом. При виде ребенка страх пронзает, как острые лезвия ножей, которые ее ждут, и тут она понимает, что испугалась собственного отражения. Искривленного страхом настолько, что невозможно узнать.

– Чой! – доносится его голос с лестницы, и она внезапно вспоминает женщину, которая показывала дом несколько месяцев назад.

В стене большой столовой в передней части дома есть фальшпанель. Этой комнатой они никогда не пользовались. Столовая всегда погружена в душный полумрак, дневной свет или свет фонарей проникает сквозь щели по краям ставней. Агент по недвижимости отодвинула столик, чтобы убрать панель, и за ней обнаружилась дверь. Старая выкрашенная белой краской дверь с круглой ручкой. Тогда женщина открыла ее в темноту. В этой сырой, холодной и крошечной комнатке с кирпичными стенами семья из шести человек когда-то пряталась в темноте от бомб.

Чой не поняла, что женщина имела в виду под словом «Блиц», – та лишь сказала, что когда немецкие бомбардировщики завершали налет на Лондон, они разворачивались на юг и по пути сбрасывали неизрасходованный боезапас на этот злополучный район. А затем начинали голосить сирены, люди как крысы заползали в свою крысоловку, слушали, ждали и молились в темноте. Чой снова слышит, как он выкрикивает ее имя, и, словно от воя сирен полувековой давности, бежит от этого крика в столовую.

Быстро отодвигает столик и шарит по темно-синей панели в поисках механизма. Панель тяжелая, и крохотные пальчики с трудом ее сдвигают. Он уже на лестничной площадке второго этажа, шаги слышны в спальне над головой. Чой отодвигает панель в сторону и толкает дверь. Та открывается в темноту, и вокруг смыкается холодный и сырой воздух. Она шагает внутрь и возвращает панель на место. Изнутри запереться невозможно, остается только молиться, что он не заметит. Она закрывает дверь, и свет гаснет. Чой садится на пол и обхватывает себя руками, чтобы согреться.

Здесь так холодно, так темно. Похоже, это конец. Отсюда нет выхода. Она не может представить, как шесть человек умещались в этой камере. Невозможно даже вообразить, каково им было слышать, как вокруг рвутся бомбы, думая, что следующая может попасть сюда. Однако нет нужды призывать на помощь воображение, чтобы мысленно нарисовать человека, чьи шаги слышно на лестнице, представить, как отражается свет от его ножа. У него ведь есть нож, в этом она уверена. Приют в Гуандуне – уже далекое воспоминание, как и та девочка, которой она когда-то была, – другой человек в другой жизни. Все так сильно изменилось всего за полгода, как будто прошла целая вечность, а та, другая жизнь – лишь тень сновидения.

Ее дыхание становится быстрым и поверхностным, но кажется непомерно громким. Однако помимо собственного дыхания она слышит его шаги уже в прихожей. Тяжелые шаги по паркету. Злость в голосе, когда он снова выкрикивает ее имя. А потом тишина. Мгновения тишины тянутся как несколько часов. Она изо всех сил старается не дышать, потому что уверена – он услышит. Ничто не прерывает тишину. И тут она судорожно охает, потому что слышит, как кто-то скребется по ту сторону двери. Сердце колотится так сильно, словно ее бьют по груди.

Ручка поворачивается, и Чой прижимается к стене. Дверь медленно открывается. На фоне освещенного холла в дверном проеме виден его силуэт. И в этом же свете Чой видит облачка своего дыхания в холодном воздухе. Он медленно приседает на корточки и протягивает к ней руку. Его лица она не видит, но буквально слышит, как он улыбается.

– Иди к папочке, – мягко говорит он.

Глава 1

I

Завсегдатаи парка Архиепископа (те, что еще живы) харкали кровью. А те, что живы не были, наверняка ворочались в могилах. Годы тщательного планирования, нацеленного на сохранение этого крохотного клочка зелени для жителей лондонского района Ламбет, пошли коту под хвост, когда парламент выпустил закон о чрезвычайной ситуации. В темноте над зубчатыми башенками дворца болтался обвисший флаг. Архиепископ находился в своей резиденции. Но бульдозеры начали работать уже в пять утра, после каких-то шести часов тишины, так что вряд ли архиепископ до сих пор спал. А его предшественники, отдавшие парк жителям района, вряд ли покоились с миром.

Стройплощадку освещали прожекторы. Тракторы месили и скоблили землю, на которой когда-то играли дети, и теперь эхо тоненьких детских голосов утонуло в грохоте машин. Ограждение футбольной и баскетбольной площадок сорвали и отбросили прочь. Искореженные остатки качелей и детских горок валялись у заброшенных зданий к западу от парка, дожидаясь, пока их увезут. Старый туалет, который собирались превратить в кафе, снесли. Самое важное сейчас – время. Здесь работали сотни людей сменами по восемнадцать часов. Никто не жаловался. Платили хорошо, хотя тратить деньги все равно было негде.

Рабочие молча двигались в свете огней. Фигуры в оранжевых рабочих комбинезонах, касках и белых масках. Каждый занимался своим делом и держался подальше от остальных. Сигареты курили через тонкую ткань маски, оставляя на ней круглые никотиновые следы, а окурок сразу сжигали. Слишком легко распространяется зараза.

Вчера копали ямы под фундамент. Сегодня приехал целый эскадрон бетономешалок, чтобы залить их цементом. Гигантский кран уже стоял на месте, в готовности поднимать и устанавливать стальные балки. Накануне делегация комитета по чрезвычайной ситуации совершила сюда короткую прогулку из Вестминстера, с надеждой и страхом понаблюдав за вандализмом, который санкционировали от отчаяния сами парламентарии. Закрывающие их лица белые хлопковые маски не могли утаить тревогу в глазах. Делегаты смотрели на происходящее молча, как и рабочие.

А теперь на фоне льющегося бетона и рева бульдозеров раздался голос. Человек поднял в темноте руку, призывая всех остановиться. Он был высоким, поджарым и спортивным, и балансировал на краю глубокой ямы у северо-западного угла стройки. Бетономешалка развернула подающий бетон лоток, содрогнулась и замерла. Она уже готова была извергнуть на землю густое серое месиво. Мужчина присел на корточки у края ямы и заглянул в ее темное нутро.

– Там что-то есть! – прокричал он, и бригадир сердито зашлепал к нему по грязи.

– У нас нет на это времени. Давай! – Он помахал рукой в толстой перчатке рабочему, контролирующему подачу бетона. – Вываливай!

– Нет, постой.

Высокий перекинул ноги через край ямы, спрыгнул и скрылся из вида.

Бригадир закатил глаза к небу.

– Боже милосердный! Посветите сюда.

На краю ямы столпилось несколько человек. Они установили дребезжащую осветительную треногу и наклонили ее вниз. Высокий нагнулся над каким-то маленьким темным предметом. Он поднял голову, заслонил глаза ладонью от яркого света и посмотрел на лица тех, кто вглядывался вниз.

– Это хренов портплед. Хренов кожаный портплед. Какая-то свинья решила, что может выкинуть свой мусор в нашу яму.

– Давай, вылезай оттуда, – прокричал бригадир. – Мы не можем тут рассиживаться.

– А что внутри? – спросил кто-то другой.

Высокий вытер лоб рукавом и снял перчатку, чтобы расстегнуть портплед. Все наклонились ближе, чтобы увидеть содержимое собственными глазами. А потом высокий отпрянул, словно дотронулся до оголенного провода под током.

– Господи!

– Что там?

Они разглядели что-то белое, отражающее свет. Высокий поднял голову. Его дыхание было сбивчивым и неглубоким, а от лица отхлынули все краски, словно он побледнел от недосыпа.

– Боже мой!

– Да что там, мать твою?! – Бригадир уже начал терять терпение.

Мужчина в яме снова осторожно склонился над портпледом.

– Там кости, – сдавленно сказал он, но все прекрасно расслышали. – Человеческие.

– Откуда ты знаешь, что они человеческие? – спросил кто-то, и голос показался ужасающе громким.

– Потому что на меня уставился череп! – Высокий задрал собственный череп кверху, и создалось впечатление, что кожа на нем плотно натянута. – Но маленький. Слишком маленький для взрослого. Это ребенок.

II

Макнил находился где-то далеко-далеко. Там, где ему быть не положено. В теплом, уютном и безопасном месте. Но что-то скребло в глубине разума, неприятное чувство, будто он что-то забыл, упустил что-то из вида. И тут, вместе с приливом тошноты, он вспомнил, что не ходит на работу уже несколько месяцев. Как он мог забыть? Правда, раньше такое уже случалось, это точно. Он смутно это припоминал. Господи, и как же это объяснить? Как он объяснит, где был и почему? Боже! Ему стало не по себе.

Зазвонил телефон, и Макнил понял: это они. Ему не хотелось отвечать. Что он скажет? Все это время он получал зарплату и даже не подумал показаться на работе. Наверное, остальные его прикрывают. Работают в его смену. И наверняка злятся и винят его. Телефон все звонил и звонил, а Макнил по-прежнему не хотел отвечать. «Заткнись», – рявкнул он телефону. Тот не послушался, и каждая трель вонзалась прямо в сердце. Звонки так и будут терзать его, пока он не возьмет трубку. Лоб покрылся испариной.

Что-то удерживало его. И чем сильнее он старался высвободиться, тем крепче его держало. Он вертелся, дергался, брыкался и наконец проснулся, тяжело дыша и уставившись в потолок широко открытыми испуганными глазами, прижатые к подушке короткие волосы взмокли на затылке. Цифры 06:57 распались на светящиеся розовые фрагменты. Он взял с собой из дома только эти часы. Подарок Шона. Цифры с будильника проецировались в инфракрасном излучении на потолок. Не нужно поворачивать голову и смотреть на будильник во время всех этих часов без сна. Наверху всегда видны огромные часы, напоминающие, как медленно может тянуться время.

Конечно, он знал, что часы на самом деле купил не Шон. Марта в курсе, как он любит всякие гаджеты. Но именно Шон с радостью преподнес Макнилу будильник. Только ребенок способен получить такое удовольствие, когда вручает кому-то подарок, не меньшее, чем когда получает его.

Макнил выпутался из-под намокших от пота простыней и перекинул ноги с края кровати. И тут же попал в объятия холодного воздуха. Проснись! Телефон по-прежнему звонил. И в точности, как и во сне, Макнил понимал, что это не прекратится. Он потянулся к ночному столику и поднял трубку. Губы и язык слиплись.

– Да?

– Надеюсь, ты трезв, Макнил.

Макнил отлепил язык от неба и почуял запах перегара в собственном дыхании. Он потер глаза, смахивая с них песок.

– Еще часов двенадцать буду трезвым.

– Для тебя есть дело. Двойная смена. Раз это все равно твой последний день, я решил, что ты как раз успеешь. У меня еще два человека слегли.

– Дерьмово.

– Дерьмо – самое верное слово. Кто-то нагадил прямо у нас под носом, а мне больше некого послать.

Макнил запрокинул голову и затуманенным взором уставился на гигантские часы на потолке. Он все равно понятия не имел, чем заняться в ближайшие двенадцать часов. При свете он не сумел бы заснуть.

– Так что за дело?

– Кости. Группа рабочих в парке Архиепископа нашла их на дне ямы.

– Похоже, тут нужен археолог, а не коп.

– Кости лежали в кожаном портпледе, и вчера их там еще не было.

– Ясно.

– Лучше отправляйся туда прямо сейчас. Министерство на говно исходит, потому что пришлось остановить строительство. Закруглись там побыстрее, ясно? Мне этот головняк не нужен.

На линии раздался треск, и Макнил поморщился. Лейн повесил трубку.

В ванной с другой стороны лестничной площадки Макнил почистил зубы, уставившись на свое безучастное отражение. В заляпанном стаканчике сгрудились чужие зубные щетки. Макнил хранил все свои вещи в комнате, а в ванной ни к чему не прикасался. Даже обливал краны водой, прежде чем до них дотронуться. Ему нужно побриться. А еще несколько часов сна могли бы уменьшить тени под глазами. Но ущерб, нанесенный в последние месяцы, все равно ничем не залатать. Лицо человека, которому нет еще и сорока, превратилось в застывшую маску. Такое лицо и разглядывать не хотелось.

Макнил поцарапал бритвой по темной щетине и услышал шорох в соседней комнате. Продавец машин. Когда Макнил только снял здесь комнату, живущий на первом этаже домовладелец рассказал ему про постояльцев. Разведенный врач, которого отстранили от работы, обычно мог раздобыть лекарства от любых болезней. Полезное соседство, особенно в такое время. Продавец машин – гей, по мнению домовладельца, но пока не готов это признать. Было еще двое служащих из профсоюза железнодорожников, только теперь профсоюз переименовали, и домовладелец не мог припомнить, как он сейчас называется. Один из Манчестера, другой из Лидса, они работали в исполнительном комитете профсоюза в Лондоне. У профсоюза с давних времен был офис на Баальбек-роуд. В доме жила только одна женщина. От нее слегка пахло, и выглядела она как ходячая покойница, а домохозяин не сомневался, что она сидит на наркотиках. Но платила она как часы, так что не ему ее судить.

В общем, странное сборище отщепенцев, оказавшихся на обочине общества, в своего рода сумеречной зоне, где ты не живешь, но и не умираешь. Просто существуешь. Когда Макнил только въехал – неужели всего пять месяцев назад? – он чувствовал себя чужаком. Подглядывающим. Наблюдателем. Он не принадлежал этому миру и не собирался в нем задерживаться. Но все они, наверное, когда-то так думали. А теперь, как и остальные, он не видел отсюда выхода. Сейчас он смотрел не снаружи вовнутрь, а изнутри наружу.

Он выбрал этот район, потому что хотел найти место, куда можно привести Шона. Вроде не трущобы. Здесь все же чувствовался дух поистрепанного благородства. В конце улицы находился парк Хайбери-Филд. Там Макнил мог попинать мяч с Шоном, прогуляться с собакой – если бы у него была собака. Некоторые названия улиц к тому же напоминали о доме. Абердин, Келвин, Сифорт, Фергюс. Было в них что-то знакомое и уютное, эхо покинутой много лет назад Шотландии. Чуть дальше Хайбери-Корнер находился бассейн. Домовладелец сказал, что когда-то тот был открыт всем стихиям. Но менее стойкое поколение построило вокруг стены и прикрыло бассейн крышей. Где-то там они с Шоном могли бы – как это говорится? – проводить время с пользой. И Макнил решил, что мог бы купить билеты на весь сезон, посмотреть игру «Арсенала» на стадионе «Эмирэйтс».

Но мать Шона отказалась отпускать его через весь город в Ислингтон. Слишком опасно, так она сказала. Может, когда закончится чрезвычайная ситуация.

Макнил натянул пальто и поднял воротник. Костюм не помешало бы погладить, а воротник белой рубашки уже слегка махрился. Верхняя пуговица отсутствовала, и крепко затянутый галстук был призван это скрыть. Макнил надел перчатки и поспешил вниз по лестнице в узкий коридор. Всего несколько месяцев назад домовладелец высунул бы голову в дверь, чтобы поздороваться. Но теперь никто не разговаривал друг с другом. Все слишком боялись.

III

Закрыв входную дверь, Макнил услышал трели своего телефона наверху. Ему не хотелось снова разговаривать с Лейном, и потому он быстро выудил из кармана мобильный и выключил его.

Когда Макнил сел за руль, в машине стоял ледяной холод. И хотя изморози не было, ветровое стекло запотело от конденсата. Макнил включил дворники и повернул на Калабрия-роуд. По радио передавали сборник прошлогодних хитов. В последние два месяца никто не выпускал ничего нового. Одна песня сменялась другой, и Макнил обрадовался отсутствию туповатого пустомели диджея, который обычно заполнял своей болтовней утренний эфир. Новости в семь тридцать Макнил уже пропустил.

Как обычно, маршрут в город определялся расположением армейских блокпостов. Определенные зоны были закрыты даже для него. Для пересечения некоторых демаркационных линий требовалось специальное разрешение. Он поехал на юг, в Пентонвиль, свернул на запад по Пентонвиль-роуд, на Юстон-роуд. Было почти без пятнадцати восемь, и серый свет пробивался через низкую свинцовую тучу, как будто поедающую верхушки далеких небоскребов. В другой жизни такси, автобусы и автомобили спешащих на работу служащих закупорили бы городские артерии, как холестериновые бляшки. Макнил до сих пор не привык к пустым улицам. Ранним утром стояла леденящая тишина. Он миновал одинокий армейский грузовик, и солдаты в масках и очках уставились на него из-под брезента цвета хаки, словно безликие штурмовики из «Звездных войн». Автоматы они сжимали так, будто привыкли слишком часто пускать их в ход.

Теперь, при дневном свете, в городе появился кое-какой частный и коммерческий транспорт с необходимыми для перемещения в нужные точки города пропусками, а камеры и спутники отслеживали передвижение. В центре города контроль был самым суровым, поскольку здесь чаще всего происходило мародерство. Правительство воспользовалось старым оборудованием для контроля пробок, чтобы отслеживать все въезжающие и выезжающие из района машины. Макнил проехал вдоль северной границы зоны, миновал пустынный Юстонский вокзал, а потом свернул на юг, на Тоттенем-Корт-роуд, где камера зафиксировала его номерной знак и отправила данные напрямую центральному компьютеру. Без пропуска Макнилу остановили бы через считанные минуты.

Торговые улицы города превратились в поле боя. В тех магазинах, где витрины еще не разбили, их заколотили досками. На обочине дымились сожженные остовы угнанных машин, на разоренных улицах валялись обломки и осколки когда-то цивилизованного общества. Остатки очередной ночи насилия. Театр «Доминион» напротив станции метро «Тоттенем-Корт-роуд» превратился в почерневшую, выгоревшую подчистую оболочку. Когда шел дождь, воздух наполнялся запахом гари из «Смерти коммивояжера» – последней пьесы, которая здесь шла. «Макдональдс» на Оксфорд-стрит тоже выпотрошили. Гамбургеры пережарились. В секс-шоп «Гармония» вламывались столько раз, что хозяйева больше даже не трудились заколачивать витрины, и скудно одетая сирена в черной коже вызывающе насупилась, когда Макнил проезжал мимо.

Дальше к югу наконец-то закончились рекордные по продолжительности показы «Мышеловки» в театре Святого Мартина, неоновое освещение было сорвано со стен, и театр выглядел печальным и заброшенным.

Макнил остановился на армейском блокпосту на Кембридж-серкус. Пора было бы уже привыкнуть, но в присутствии полудюжины автоматчиков с нацеленным в его голову оружием он все равно чувствовал дискомфорт. Угрюмый солдат мрачно смерил его взглядом из-под маски, держась на расстоянии, и протянул руку в латексной перчатке за документами, а потом

поспешил их вернуть, желая побыстрее избавиться, словно пропуск мог быть заразен (хотя и это не исключено).

Макнил поехал по Чаринг-Кросс-роуд, через Трафальгарскую площадь в Уайтхолл. Там было оживленнее, государственные службы еще в какой-то степени функционировали, правительство пыталось договориться с распадающимся обществом. Люди в масках шныряли по коридорам власти с тем же мрачным отчаянием, что охватило большинство жителей города.

По мере приближения к реке Макнил увидел поднимающийся в хмурое утреннее небо черный дым из четырех труб электростанции Баттерси. Трудно представить более выразительный символ человеческого бессилия перед лицом суровой природы. Сколько человек уже умерло? Пятьсот тысяч? Шестьсот? Больше? Никто уже не верил официальным цифрам. Их невозможно было проверить. Но даже самые оптимистичные цифры – те, что предлагало правительство, – выглядели немыслимыми.

В восьмичасовых новостях передавали тот же репортаж, что крутили всю ночь. Но Макнил слушал его в первый раз, и новость оказалась тяжелым ударом. Вскоре после полуночи врачи больницы Святого Фомы объявили о смерти премьер-министра. Двое его детей уже умерли, а жена находилась в критическом состоянии. Не было секретом, что он тяжело болен. Но если болезнь с такой легкостью унесла самого могущественного человека в стране, то какие шансы остаются у всех остальных?

Диктор новостей зычным голосом объявил, что теперь разразится борьба за власть между заместителем премьер-министра и канцлером Казначейства. Кто из них возглавит партию? Заместитель премьера, мерзкое ничтожество, он никогда не нравился Макнилу, но имел преимущество, поскольку автоматически наследовал пост – по крайней мере, временно. Хотя Макнил не понимал, на кой это кому-то сдалось при таких обстоятельствах. Но, похоже, для некоторых власть настолько притягательна, что невозможно устоять. Макнил надеялся, что победит канцлер. Текущий обитатель дома номер одиннадцать по Даунинг-стрит был, по его мнению, гораздо более разумным, интеллигентным и совестливым.

Проезжая по Вестминстерскому мосту мимо очередного армейского блокпоста, он посмотрел на запад, на фасад одиннадцатизэтажного здания больницы Святого Фомы, поднимающегося на южном берегу Темзы. Где-то там, за стеклом и бетоном, лежал мертвый человек, когда-то управлявший страной. Холодный и беспомощный, заразившийся от собственных детей. Чуть дальше три оставшихся старых крыла больницы, «Пятница», «Суббота» и «Воскресенье», были заполнены, как знал Макнил, еще более тяжелыми пациентами. Возможно, если бы другие части здания не были разрушены немцами во время бомбардировки «Блиц», не пришлось бы и строить полевой госпиталь через дорогу.

Глава 2

I

Макнил припарковал свой «Форд фокус» у автобусной остановки напротив отделения неотложной помощи на Ламбет-Палас-роуд, в полной уверенности, что не помешает ни одному из четырех автобусов, которые обычно ходили по этому маршруту.

Ворота и забор парка Архиепископа снесли, чтобы дать доступ тяжелой строительной технике. Макнил узнал фургоны без опознавательных знаков, принадлежащие судебно-медицинским экспертам, – тем нетрудно было его опередить, поскольку лаборатория находилась всего в нескольких минутах ходьбы от узкой тропы с южной стороны парка.

После закрытия столицы на карантин судебно-медицинской службе пришлось стянуть все ресурсы в одно здание, и лаборатория криминалистической экспертизы переехала на Ламбет-роуд – эта улица стала пристанищем для большинства медицинских и научных подразделений полиции. Сейчас назначенные по делу криминалисты стояли в ожидании Макнила.

Макнил осмотрел руины парка и огромные машины, застывшие без дела в искореженных останках когда-то крохотного оазиса зелени посреди моря стекла и бетона. Сотни рабочих в заметных издали оранжевых комбинезонах стояли группками, болтали и курили. В туманном утреннем свете группа призрачных фигур в масках и белых костюмах химзащиты сгрудилась у ямы, которую предстояло залить бетоном. Мужчина в костюме, шерстяном пальто до щиколоток и белой каске аккуратно пробирался по грязи к Макнилу. На мужчине была стандартная белая маска, как и на Макниле, но он не стал подходить близко.

– Инспектор Макнил?

Макнил тоже не стал приближаться и настороженно оглядел мужчину.

– Угу. А вы кто?

– Дерек Джеймс. Я из офиса заместителя премьера. Надеюсь, вы понимаете, почему я не пожимаю вам руку.

– Чего вы хотите?

Макнил всегда переходил сразу к делу.

– Я хочу, – сказал Джеймс с оттенком раздражения, – чтобы строители быстрее вернулись к работе.

– Тогда чем скорее мы перестанем болтать, тем скорее я сделаю все необходимое и оставлю вас в покое.

Макнил прошел мимо него к сборищу призраков.

Джеймс потрусил следом, по-прежнему стараясь не заляпать ботинки грязью.

– Видимо, вы не поняли, мистер Макнил. Строительство ведется по парламентскому акту о чрезвычайной ситуации. На него тратятся миллионы фунтов. И существует четкое расписание. Задержка может стоить жизней.

– Кое-кто уже умер, мистер Джеймс.

– Это значит, что им уже не помочь. А другим еще можно.

Макнил остановился и развернулся к представителю премьера. Тот немедленно отскочил, словно боялся, что Макнил на него дышит.

– Послушайте, в этой стране каждый имеет право на правосудие. Живой или мертвый. Это моя работа. Следить за тем, чтобы свершилось правосудие. И когда я закончу, можете заниматься своим делом. А до того держитесь от меня подальше. – Макнил снова развернулся и потопал по грязи к людям в костюмах химзащиты. – Что у нас тут?

– Мешок с костями, Джек, – сказал один из них, из-за маски голос звучал приглушенно. – Яму выкопали только вчера. Кто-то бросил кости ночью. – Он посмотрел на сотни лиц, наблюдающих за ними издалека. – И эти ребята хотят, чтобы мы немедленно убрались отсюда.

– Всему свое время.

Еще один мужчина в костюме химзащиты протянул Макнилу пару бахил.

– Вот, держи, лучше надень.

Макнил натянул бахилы и заглянул в яму. Внизу скрючился человек.

– Это кто там?

– Твой старый приятель.

Макнил закатил глаза.

– Вот ведь повезло! – процедил он сквозь зубы. – Том Беннет!

Криминалист ухмыльнулся под маской, и та натянулась на лице.

Макнил с хлопком надел латексные перчатки и протянул руку.

– Помоги спуститься.

Это был дорогой спортивный портплед с логотипом PUMA. Том открыл его руками в перчатках и поднял голову, когда Макнил приземлился рядом.

– Не подходи ко мне слишком близко, – предупредил Том. – Никогда не знаешь, что можно подхватить.

Макнил оставил его слова без внимания.

– И что там? – спросил он.

– Детские кости.

Макнил наклонился, чтобы получше рассмотреть. Кости были очень белыми, словно их держали на солнце, печальный комплект, оставшийся от того, что когда-то было человеческим существом. Макнил тут же отпрянул от вони – как у мяса, месяц пролежавшего в холодильнике.

– Что это за вонь?

– От костей.

Морщинки в уголках глаз криминалиста показали, что его повеселило отвращение Макнилла.

– Не знал, что кости воняют.

– А то как же. Два или даже три месяца после смерти.

– Так этот ребенок еще недавно был жив?

– Совсем недавно, я бы сказал, судя по запаху.

– Тогда что произошло с плотью?

– Кто-то снял ее с костей. При помощи довольно острого ножа. – Обеими руками Том аккуратно поднял длинную кость ноги. – Бедренная кость. Вот здесь видны бороздки, оставленные ножом, или что там использовали. Довольно глубокие и широкие, так что это был тяжелый инструмент.

Макнил осмотрел надрезы и выщерблины в кости, в основном идущие параллельно и под углом к кости, как от повторяющихся движений сбоку.

– Значит, не эксперт в этом деле?

– Не знаю, кого можно назвать экспертом в срезании плоти с костей, но работа довольно грубая. – Том осторожно провел пальцем по головке кости. – Видишь, вот здесь, у сустава, он устроил просто кашу, остались высохшие остатки ткани и сухожилий в том месте, куда он не сумел добраться.

Макнил снова заглянул в мешок и осторожно приподнял нечто, похожее на изгиб маленького ребра. Он наклонил голову и с любопытством уставился на кость, проводя пальцами по гладкому белому изгибу.

– Как удалось так хорошо очистить кости?

Том пожал плечами.

– Скорее всего, кости отмыли. Я и сам так делаю время от времени, когда хочу очистить череп. Вывариваю его в хлорке и стиральном порошке.

– А разве это не уничтожило бы запах?

В уголках глаз Тома снова появились морщинки смеха.

– Костный мозг продолжает разлагаться, сварить ты его или нет.

Макнил опустил ребро обратно в мешок и встал. Вгляделся в лица тех, кто наклонился над ямой, попытавшись перехватить разговор, потом снова посмотрел на Тома.

– Можешь определить пол?

– Пока нет. Но возраст где-то между девятью и одиннадцатью.

Макнил задумчиво кивнул, гадая, как проводят аутопсию расчлененного скелета.

Словно прочитав его мысли, Том тоже выпрямился и пояснил:

– Естественно, я не могу провести настоящее вскрытие. Только разложить кости и поискать какие-нибудь ключики. – Из-под полиэтиленовой шапочки Тома выбилась белокурая прядь, а васильковые глаза так откровенно уставились на Макнила, что тому пришлось отвернуться. – Конечно, я не эксперт в этом деле, то есть, не знаю, что куда положить. С ребрами я еще разберусь, но необязательно в нужном порядке. Могу найти кости пальцев, но не знаю, от какой они руки. Для этого понадобится антрополог.

Макнил заставил себя посмотреть патологоанатому в глаза.

– А это проблема?

– Она больна.

– Ясно.

– Но могу провести общую оценку, отметить повреждения на костях и отсутствующие части, извлечь костный мозг и провести токсикологическую экспертизу. – Он помедлил. – Предлагаю подключить Эми. Она разбирается в черепах и много раз идентифицировала трупы.

При упоминании Эми у Макнила екнуло сердце, и он задумался, не отразилось ли это на лице. Может, он слегка покраснел. Том как будто пристальнее всмотрелся в него, словно ожидая какого-то сигнала, но если и так, глаза патологоанатома ничего не выдали.

– Конечно, если ты так считаешь, – ответил Макнил и протянул руку, чтобы ему помогли выбраться.

– Осторожней, – быстро произнес Том. – Кое-кто считает, что ко мне опасно поворачиваться задом.

Макнил медленно повернул голову и посмотрел на него. Мрачный взгляд излучал такую угрозу, что слова не понадобились.

– Какой же ты все-таки мужлан, – ухмыльнулся Том.

Над строительной площадкой повисла тишина, похожая на низко стелющийся туман. Здесь, в самом сердце столицы, это было нечто из ряда вон. Никакого шума уличного движения, ни громких разговоров или смеха, ни гула самолетов, заходящих на посадку в Гатвике или Хитроу, над головой. Лишь заунывные крики чаек, улетевших выше по течению, чтобы скрыться от штормов Северного моря, – белые лоскуты в небе, стервятники, кружащие в ожидании гибели всего мира.

Смерть уже пришла, но на костях не осталось поживы.

Макнил осознал, что все смотрят на него. Не приближаясь, чиновник из правительства скрестил руки на груди.

– Ну и?

– Все должны покинуть площадку, – ответил Макнил. – Мы ее закроем и обыщем.

Представитель правительства наклонил голову набок. Лишь глаза выдавали гнев.

– Тогда будут проблемы, – сказал он.

– Проблемы будут у того, кто не сделает, что велено, – повысил голос Макнил, чтобы слышали все рабочие. – Это место преступления. Убийства.

II

– Ты что ему наговорил, мать твою?

– Сказал, что это место преступления и нам нужно его прочесать.

Лейн бросил на Макнила скептический взгляд.

– В общем, что бы ты там ни сказал, он весь на говно изошел. Ты хоть понимаешь, что сейчас на меня льется?

– Могу себе представить.

– Уверен? – Лейн посмотрел на часы и взял пульт, чтобы включить стоящий на полках с папками телевизор. – А знаешь, когда тридцать лет назад я приехал в Лондон из Глазго, то думал, что расстался с ковбоями вроде тебя. Здесь люди привыкли к хорошим манерам, усекаешь?

– Ага, угрожают вежливее.

Лейн сердито уставился на него.

– Вот уж не думал, что аккуратно перед пенсией столкнусь с шотландским отморожком.

Он увеличил громкость телевизора. Снова передавали про смерть премьер-министра, и Лейн явно хотел послушать.

Макнил взглянул на фотографию в рамке, стоящую на полке за столом, – портрет главного инспектора и его жены. Странная парочка. Лейн – выходец из Глазго, из семьи копа старой закалки, рабочей лошадки. Он матерился почему зря, любил грубые хохмы и вечно лез в драку. Волосы он зачесывал с бриолином, а выбритые до блеска щеки с проступившими от пьянства венами щедро поливал одеколоном «Олд спайс». О его приближении можно было догадаться по запаху. С другой стороны, его жена была утонченной дамой, дочерью врача из Челси, любила оперу и театр и читала лекции по драматургии в лондонском университете королевы Марии. Жили они где-то на западе, в большом таунхаусе за городом. В обществе жены Лейн превращался в другого человека. Макнил понятия не имел, что она нашла в Лейне, но как бы то ни было, жена пробуждала в муже лучшее. Так иногда получается у некоторых людей. Макнил подумал, что, хотя Марта не пробудила в нем худшие черты, но и лучшие не оживила. Он завидовал семейным отношениям Лейна.

Он заглянул через открытую дверь в комнату детективов. Там дежурили только пара детективов с горсткой административных работников и полицейских в форме. Пандемия собрала свою дань и тут.

Что-то в новостях привлекло внимание Макнила, и, повернувшись, он увидел, как сидящие за столом мужчины в темных костюмах что-то бубнят в микрофоны. Все они были в масках, как и бомбардирующие их вопросами журналисты. Лицо человека по центру стола в последние несколько месяцев все стали узнавать даже в маске. У него были большие темные глаза под густыми черными бровями, контрастирующими с белокурыми волосами, стриженными под бобрик, и он носил очень своеобразные овальные очки в серебристой оправе. В бархатном, гладком голосе слышался легкий намек на иностранный акцент, происхождение которого невозможно было определить. То был Роджер Блум, главный врач спецгруппы по борьбе с пандемией компании «Штейн-Франкен».

– Вот клопы вонючие! – выразил Лейн невысказанную мысль Макнила. – Чую, цена на их акции снова скакнет.

«Штейн-Франкен» – французская фармацевтическая компания, чье противовирусное лекарство «Гриппобой» Всемирная организация здравоохранения отобрала еще в преддверие пандемии в качестве потенциально наиболее эффективного средства от птичьего гриппа, если тот начнет передаваться от человека человеку. ВОЗ также предупредила, что такое развитие событий неизбежно. И в результате все страны мира, которые могли себе это позволить, заказали

лекарство аж на три с половиной миллиарда евро. Одна Великобритания купила почти пятнадцать миллионов доз для лечения четверти населения. Первыми лекарство получили работники системы здравоохранения. Но средство не особо помогало. В лучшем случае облегчало течение болезни и укорачивало ее длительность, делая выживание более вероятным. Хотя при летальности почти в восемьдесят процентов спросом будет пользоваться любое средство, способное увеличить шансы.

На пресс-конференции «Штейн-Франкен» объявила о дальнейшем увеличении производства «Гриппобоя», чтобы удовлетворить возросший спрос. Циничный журналист из зала спросил доктора Блюма, связано ли увеличение производства с тем, что несколько развивающихся стран намерены производить собственные дженерики. Блюм с легкостью отверг явный намек на то, что его компания заинтересована лишь в сохранении монополии.

– Мы открыли новую фабрику во Франции специально под производство «Гриппобоя», – сказал он. – На следующей неделе она начнет работать. Это давно планировалось. Так что никакой спешки из-за конкуренции. Мы способны производить лекарство быстрее и лучше, чем кто-либо. И контролируем качество, чтобы обеспечить его эффективность.

– Ваша вакцина оказалась неэффективной.

Тон журналиста отражал всеобщее негодование в стране по отношению к тем, кто наживался на мировом бедствии.

– И это прискорбно, – ответил Блюм. – Не из-за примитивных соображений коммерции, а потому что вакцина могла бы спасти жизни.

– Так почему же она не работает? – раздался другой укоризненный голос.

– Потому что мы сделали неверное предположение, – с легкостью ответил Блюм. – Птичий грипп существовал уже давно, но лишь в 1997 году подтвердился первый случай заболевания человека. Тогда вирус передался человеку от птицы. Но с этого момента было лишь вопросом времени, когда птичий грипп объединится с вирусом человеческого гриппа и возникнет форма, передающаяся от человека человеку. Мы знали, что, когда это случится, весь мир попадет в беду. Пандемия была неизбежной и почти наверняка стала бы страшнее, чем испанка в 1918 году. Которая унесла жизни пятидесяти миллионов человек. Так и началась гонка в попытке найти способ победить грипп, прежде чем разразится эпидемия. – Блюм провел рукой по ежику волос на макушке. – И мы одновременно со многими другими попытались создать в лаборатории то, что выглядело бы для иммунной системы как передающийся через людей птичий грипп. Чтобы таким образом создать вакцину. Это значило объединить соответствующие гены птичьего гриппа H5N1 с обычным гриппом человека. Для этого мы выбрали штамм гриппа H3N2, которым чаще всего болеют люди. – Врач покачал головой. – Цель заключалась в том, чтобы поменять местами восемь генов обоих вирусов, один за другим, и посмотреть, какие комбинации создадут версию, легко передающуюся между людьми. Проблема в том, что таких комбинаций двести пятьдесят, и найти верную – все равно что выиграть в лотерею.

– Но вы решили, что у вас получилось.

– Да. Потому что, когда вирус и впрямь появился, мы обнаружили, что создали почти идентичный. Но вот загвоздка: он отличался ровно настолько, чтобы иммунная система не дала себя обмануть, и мы поняли, что потребуется минимум полгода, пока мы сумеем это исправить.

– А кто-нибудь в «Штейн-Франкен» может объяснить, почему эпидемия началась в Лондоне, а не в Азии?

– Это не наша задача, – обтекаемо ответил Блюм. Если он и уловил исходящую от журналиста враждебность, то не подал вида. – Такой вопрос следует задать агентству по охране здоровья. – Он ненадолго умолк. – Но не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы догадаться: достаточно одному инфицированному прилететь в Лондон, Нью-Йорк или Париж из Вьетнама, Таиланда или Камбоджи, и он посеет семена. В современный век путешествий мы все живем

в одной большой деревне. И создали превосходный инкубатор для взращивания и передачи инфекций – в автобусах, самолетах и метро. Оставалось только дожидаться катастрофы.

Программа переключилась обратно на студию, на горячие новости о гонке за власть, начавшейся после смерти премьер-министра. Тут Лейн потерял интерес и выключил телевизор. Он развернулся на кресле и оценивающе посмотрел на Макнила.

– Да ты просто хренов debil. И к тому же уходишь со службы. Ты же хороший коп... – Он поколебался. Комплимент явно дался ему нелегко. Лейну определенно не хотелось этого признавать. – Мог бы даже через несколько лет занять мое кресло.

– К тому времени Шон почти закончит школу, – тряхнул головой Макнил. – С детьми не бывает вторых шансов. Невозможно повернуть время вспять и вернуться в детство. – Он посмотрел Лейну за спину, через выходящее на Кеннингтон-роуд окно. На магазины и рестораны напротив полицейского участка. «Замки и ключи Трафальгара», ресторан «У Пердони», мужская парикмахерская Питера и «Императорский тандур». Все это он знает лучше, чем собственного сына. Да и в обществе Лейна провел куда больше времени.

– Придется попросить тебя завтра вернуть свой «Гриппобой», как закончишь работу. – Макнил уставился на него. – Прости, Джек. Ты больше не на передовой. Ну, или скоро ее покинешь.

– Ну и ладненько.

Лейн хлопнул ладонями по столу.

– У тебя два часа, чтобы прочесать площадку, прежде чем я пришлю обратно строителей.

Глава 3

I

Воссоздание человека похоже на сборку пазла. Эми выдыхала воздух в тесную хлопковую маску и вдыхала запах разложения, исходящий от стола перед ней. Она вспомнила свою первую реконструкцию лица. Дело было в Манчестере. Она поехала туда на поезде и остановилась у родственников. Та женщина умерла уже три месяца назад. Ее череп медленно выварили в воде с моющим средством и хлоркой, но он все равно так вонял, что Служба судебной медицины сняла Эми для работы номер в гостинице. Не хотели, чтобы провоняла вся лаборатория или чей-нибудь кабинет.

Администрация гостиницы с подозрением относилась к копам в штатском, шныряющим туда-сюда, паркующим перед гостиницей машины без опознавательных знаков и посещающим девушку в триста пятом номере. Вероятно, ее приняли за проститутку. В общем, горничная пожаловалась на запах, и Эми попросили съехать.

Том разложил кости из портплекта на столе, прикрыл их чистой тканью и собрал приблизительно в нужном порядке. Остались только маленькие кучки ладоней и ступней. Позвоночник был разделен на шейный, грудной и поясничный отделы, но части были разложены в неправильном порядке. Как и ребра. Увидев схему скелета, приколотую к стене, Эми улыбнулась. Кости никогда не были сильной стороной Тома. С первого дня в медицинской школе его больше интересовали внутренние органы, сердечно-сосудистая система и мозг. Эми, в свою очередь, что-то привлекло в человеческом скелете. В конце концов, на нем строится все остальное. И это, как ни странно, в итоге привело ее к работе с зубами.

Она приступила к тщательному воссозданию ладоней. Маленьких детских ладоней. У взрослого двести шесть костей, и больше половины из них находится в ладонях и ступнях. А у ребенка – целых триста пять. Некоторые кости срастаются по мере взросления. Эми точно не знала, сколько костей у этого конкретного ребенка, но была уверена, что заметит, если каких-то не хватает.

Вместе с полудюжиной остальных работающих в лаборатории она вскинула голову, когда дверь распахнулась и вошла Зои. Все поняли, что та стоит на пороге, даже раньше, чем учуяли исходящий от нее запах сигаретного дыма.

– Маска! – выкрикнул кто-то.

Она забыла надеть маску обратно.

– Ой, простите. – Зои натянула маску на нос и рот. – Вы же знаете, что с таким же успехом можете заразиться, прикоснувшись к чему-нибудь, что трогал больной, – сказала она. – Это если никто не чихнет вам в лицо.

Зои была микробиологом, проходила последипломную практику в судебно-криминалистической лаборатории и любила щегольнуть знаниями. Но к этому времени пути заражения вирусом гриппа уже и так все знали. Вот почему правительство приняло чрезвычайные меры, чтобы остановить печать и распространение газет. Газета – идеальный носитель. Газета, которую передает больной, заразит другого читателя. Как только вирус окажется на ладонях, он может попасть внутрь тела через пищу или когда вы трете глаза. Теперь новости передавали только по радио, телевидению и интернету.

Зои подошла к столу Эми и посмотрела на скелет.

– Это же ребенок, да?

– Да.

Эми раздражало, что ее прервали, но она сдержалась. Теперь она почуяла сигаретный дым. Все лучше, чем запах немытого тела, окружавший Зою, пока она еще жила со своим приятелем. Однажды Зою призналась, что копается в корзине с грязным бельем в поисках какой-нибудь одежды, когда в ящике комода пусто. Она явно считала, что это забавно. А для всех остальных это объясняло запах. Но с тех пор как она переехала обратно к родителям, положение улучшилось. Похоже, теперь стиркой занималась ее мать.

– Вы в курсе, что собираются наладить массовый выпуск новых масок, которые стерилизуют патогены, когда инфицированный чихает или кашляет? Там будут тысячи крохотных дырочек, чтобы можно было дышать, и дыхание при выдохе не будет снова обдавать лицо. Но в этом вся штука – дырочки обработаны антисептиком, и он стерилизует все выделения. Умно, да?

– Еще как. – Эми пыталась разобраться в плюсовых костях правой стопы.

– Ты знаешь, сколько крохотных капелек выделяется при чихании?

– Миллионы.

– Ага, и в каждой вирус. Это как аэрозоль с инфекцией. Господи, ну разве не здорово, что нам дают курс «Гриппобоя»?

– Давай лучше надеяться, что мы не подхватим вирус.

Эми хотелось сказать, чтобы она отвязалась, но не в ее привычке было грубить. Неожиданно пришло спасение.

– Тебе разве нечем заняться, Зою? – Том смерил Зою своим фирменным надменным взглядом и встал за спиной Эми, так что она охнула от неожиданности.

– Да, доктор.

Зоя побежала дальше по лаборатории.

Эми благодарно улыбнулась.

– Привет.

– Она прямо боль в заднице, – сказал он, понизив голос.

– Тебе виднее, – подняла брови Эми.

Том сморщил губы.

– Не такого рода боль. – Он оглядел скелет. – Как продвигается дело с нашим неопознанным ребенком?

– Пытаюсь узнать ее получше.

– Ее?

– Да. Это девочка. Но она не прожила бы так долго, если бы ее кости находились в том порядке, как ты их выложил.

Том сладострастно ухмыльнулся.

– Я-то все больше по плоти.

Эми завершила сборку пазла правой ступни.

– Раз уж зашла речь о плоти, как там Гарри?

Том возвел взгляд к потолку и театрально вздохнул.

– Ты же в курсе, я всю жизнь влюбляюсь в любителей женщин, а первый гей, ответивший мне взаимностью, оказался самым блудливым созданием на земле. А ты же меня знаешь. Я однолюб.

– Что я знаю точно, – уверенно заявила Эми, – так это то, что вы с Гарри не созданы друг для друга.

– Да... Вечно между нами встает чей-нибудь член.

Эми не смогла сдержать улыбку. Том всегда умел ее рассмешить, начиная со дня их знакомства в медицинской школе почти двенадцать лет назад. Удивительно, но первая встреча произошла в анатомической, когда Том отпустил грубоватый комментарий – мол, у него встал на преподавателя. И хотя специальности у них были разные, они дружили все время учебы и

после нее. Эми не представляла, как сумела бы без него пережить кошмарные месяцы после аварии. Он был в буквальном смысле лучшим другом, о котором может мечтать девушка. И она терпела все его слабости и дурное настроение, позволяла ночевать на кушетке в своей квартире, когда Том в очередной раз расставался с Гарри. А это происходило регулярно.

Она неопределенно помахала рукой в сторону соседнего стола.

– Ты не мог бы принести мне вон ту зубную карту?

– Сама возьми.

Эми сердито покосилась на него, и Том наклонил голову и вздернул бровь. Эми подумала, какой же он симпатичный. Такая красота пропадает! Копна соломенных волос и голубые глаза. Том никогда не пытался ей угодить. Настаивал, что она сама способна о себе позаботиться. Он ей не раб, и она не калека. Возможно, именно потому сейчас Эми стала такой независимой. Она взялась за пульт управления на правом подлокотнике и развернула инвалидное кресло, передвинувшись к соседнему столу за зубной картой.

На другом конце комнаты кто-то громко чихнул, и все головы повернулись к Зои. В эти дни все стали гиперчувствительными к малейшему чиху. От чиха у кого-нибудь мог случиться инфаркт. Зои подняла руку в извинении и улыбнулась.

– Ничего страшного. Честно. Я не слягу. Все дело в родительской кошке. У меня на нее аллергия.

II

Зону между улицей и ямой, в которой нашли портплед, разделили на квадраты. Между короткими колышками протянули тонкие белые веревки, почти как линии долготы и широты на карте. На холодном ветру, задувающим с реки, по периметру трепетали желто-черные ленты, огораживающие место преступления. Шесть человек в костюмах химзащиты, бахилах и полиэтиленовых шапочках двигались от квадрата к квадрату, каждый прочесывал свою зону поисков, любой выуженный из грязи крохотный предмет аккуратно клали в отдельный полиэтиленовый пакет.

Рабочие маленькими оранжевыми группками стояли поодаль в парке. Бетономешалки уехали, остались только холодные и молчаливые тяжелые машины и механизмы, дожидаясь вместе с остальными.

Правительственный чиновник сидел на заднем сиденье черного «БМВ», припаркованного на тротуаре у больницы, и курил одну сигарету за другой, наблюдая за работой через открытое окно сквозь растворяющиеся клубы дыма. Забравшись на перевернутый мусорный контейнер рядом с бывшей баскетбольной площадкой, Макнил прямо-таки чувствовал его ярость. Бригадир нетерпеливо зашагал к нему.

– Речь о наших бонусах, – сказал он. – Мы здесь рискуем жизнью и здоровьем только по одной причине – ради денег. А оплата зависит от того, успеем ли мы в срок.

Макнил обратился к нему равнодушный взгляд.

– И когда срок?

– Через неделю. – Бригадир покачал головой. – И раньше-то было тютелька в тютельку. Но сейчас...

Макнил повел плечами.

– Какой смысл ставить нереалистичные сроки?

– Их ставил не я. Во время вспышки атипичной пневмонии китайцы построили за неделю целую больницу. Вот наши и решили, дескать, почему бы нам не поступить так же? А мы строим даже не больницу. Просто полевой госпиталь. В котором будет отопление и можно поставить койки. Где люди будут умирать.

– Деньги-то хоть приличные?

– Ну, по-другому все равно сейчас не заработать. И обращаются с нами хорошо, правда? Многие ребята тут из пригородов. С тех пор как кольцевую объявили внешней границей, мы знаем, что если уж попали вовнутрь, наружу не выбраться. Страшновато как-то, прям как в кино. Все эти солдаты с автоматами на мостах и эстакадах.

– Тогда где же вы живете?

Бригадир хмыкнул.

– Это часть сделки. Все крупные туристические отели пустуют. Так что у нас есть отдельное жилье, и еду постоянно готовят. Я с несколькими ребятами живу в «Ритце». Другие в «Савое». И мы останемся здесь, пока не закончится чрезвычайная ситуация. – Его улыбка слегка потухла, и он хмуро посмотрел на Макнила. – Если, конечно, уложимся в срок.

Вдалеке холодный январский воздух пронзила сирена скорой помощи. Еще одна жертва. Нужна еще одна койка. Все городские больницы были переполнены, но высокая смертность, по крайней мере, означала, что койки постоянно освобождаются. Болезнь сократила персонал как минимум на тридцать процентов. Работники системы здравоохранения подвергались самому большому риску, и среди них было больше всего жертв. Несмотря на «Гриппобой». Никто больше не ходил на работу. Лишь горстка магазинов открывалась всего на несколько часов в день. Общественный транспорт не работал. Аэропорты закрылись на неопределенный срок. Экономика столицы находилась в свободном падении, и остальной мир готов был пойти на

что угодно, лишь бы город сдерживал болезнь. Главным образом, запретив въезд и выезд из Британии. Конечно, это только вопрос времени, когда вирус перекинется на остальной мир. Но если его сумеют сдерживать достаточно долго, пока не начнется производство вакцины...

Макнил вздохнул, посмотрел на фиолетовое, как синяк, небо и низкую черную тучу над головой и ощутил на лице первые капли дождя.

– Джек!

Макнил повернул голову в сторону фигуры в костюме химзащиты, пробирающейся через глубокую гусеничную колею в глине.

– Мы закончили.

Макнил посмотрел на часы. Все заняло меньше выделенных двух часов.

– Нашли что-нибудь?

Криминалист поднял полиэтиленовый пакет, и Макнил увидел в нем какой-то розоватый обрывок бумаги.

– Может, и нашли. А может, и нет.

– А что это?

Криминалист протянул ему пакет.

– Остатки билета на метро. Однодневный, поездка не в часы пик. Дату прочитать не смогли, но попытаемся извлечь что-нибудь из магнитной полосы.

Макнил взял пакет и поднял его ближе к свету. Текст на билете расплылся от дождя и испачкался в грязи почти до полного исчезновения. Один уголок был оторван. Метро закрыли почти два месяца назад. Если это все, с чем предстоит работать, то далеко дело не продвинется. Он вернул пакет криминалисту и спрыгнул с мусорного бака. А потом повернулся к бригадиру.

– Можете строить свою больницу.

III

Эми провела рукой по гладкому черепу и ощутила странное сочувствие к маленькой девочке. Никаких следов повреждений. Только врожденный дефект верхней челюсти. Невозможно определить причину смерти, разве что в тканях, которые отделил Том, обнаружатся следы яда. Эми подозревала, что такое вряд ли случится. С какой стати кому-то травить ребенка? Крохотное создание с хрупкими косточками? Девочка была крайне уязвима для любого сильного взрослого, совершенно беззащитна перед ним.

Несомненно было одно – ее убили. Зачем же иначе прилагать столько усилий, сдирая плоть с костей и уничтожая улики? И все же проделать это, а потом просто выкинуть кости на стройплощадке? Странная небрежность. Но об этом пусть беспокоятся другие. Эми сосредоточила все свои силы и опыт на том, чтобы ее опознать. В каком-то смысле вернуть к жизни и тем самым понять, кто ее убил.

Она заглянула в пустые глазницы и тотчас же поняла, что когда-то в них были темные и наполненные слезами карие глаза. Сейчас невозможно сказать, какого размера. Эми провела пальцами по высокой левой скуле и вниз, к челюсти, ощущая неровности и искаженную улыбку, которая когда-то играла на лице.

Эми осознавала присутствие нагнувшегося за ее спиной Тома. Его лицо было совсем близко.

– Не оглядывайся, сюда идет наш питекантроп.

Эми подняла взгляд и увидела идущего по лаборатории Макнила. Она бесстрастно посмотрела на него и задумалась, каким бы его считала, если бы они не были знакомы. Он был очень высокий – самая заметная его черта. Но не тощий. Пропорционально сложен. А значит, очень крупный мужчина. Уж точно не привлекательный в привычном смысле, но было что-то невероятно теплое в его зеленых глазах с оранжевыми всполохами. Ему не шла слишком короткая стрижка, но легкая седина на висках придавала благородства. Костюм сидел на нем слишком плотно, пальто было велико, и вообще он выглядел слегка помятым. Эми заметила, что шнурок на ботинке развязан. А потом увидела, что ботинки заляпаны грязью, Макнил оставлял за собой дорожку из подсохшей глины. Том называл его питекантропом. Естественно, Том его не любил, потому что считал гомофобом.

Эми не помнила, когда впервые увидела Макнила, так что теперь уже и не вспомнить первое впечатление. В памяти о событиях до аварии по-прежнему возникали странные мелкие провалы. Эти мелочи раздражали, иногда доводили до слез. Но только в одиночестве. Том не позволял ей жалеть себя. Но сейчас он стоял рядом, скрестив руки на груди, как защитник и страж, развернув вздернутый подбородок в сторону приближающегося Макнила, чуть ли не упрямивая его нагрубить своей бедной подруге-инвалиду. В конце концов, ведь именно Том устроил ее на работу сюда, когда она уже не могла жить как раньше.

Макнил остановился перед столом, не обращая на них внимания, и посмотрел на детский скелет. Потом перевел взгляд на Эми и едва заметно кивнул в знак приветствия.

– Так что ты можешь сказать?

– Вообще-то, немало, – Эми снова сосредоточилась на ребенке. Опять провела пальцами по лбу девочки, словно та еще жива. – Бедная девочка.

– Откуда ты знаешь, что эти кости – девочка?

– Откуда я знаю, что эти останки – девочка, – поправила его Эми, словно ребенок мог обидеться, что его называли костями. – Одного, решающего фактора нет, – сказала она. – Это, скорее, несколько признаков, плюс немного чутья.

– Давай исключим из уравнения чутье, – попросил Макнил. – Будем придерживаться фактов.

– Ладно, – невозмутимо ответила Эми. – Факты. Места, где крепятся мышцы, у женщин обычно меньшего размера и менее развиты, чем у мужчин. – Она дотронулась кончиком пальца до бедренной кости. – Здесь ясно видно края, где крепились мышцы и сухожилия. – Она передвинулась к тазу. – Форма женского таза приспособлена для деторождения и имеет несколько характеристик, отличающих его от мужского. Например, бедра заметно шире.

Макнил позволил себе слабо улыбнуться при воспоминаниях. Он вспомнил, как мать описывала соседскую девчонку, рассматривая ее как потенциальную жену для сына, – мол, у нее хорошие бедра, чтобы выносить ребенка.

Эми подняла голову и уловила тень его улыбки.

– Вы находите это забавным, инспектор Макнил?

– Нет, мисс Ву.

Она долго не сводила с него глаз, прежде чем вернуться к костям на столе.

– Не считая общего вида, можно произвести кое-какие измерения тазовых костей, это поможет определить пол. Главным образом, разницу между длиной лобковой кости и седалищной, она известна под названием лобково-седалищный индекс.

– Ты же наверняка знаком с лобково-седалищным индексом, – вставил Том, и уголки маски приподнялись от раздражающей улыбочки.

– Естественно, – сказал Макнил, а потом обратился к Эми: – И ты сделала эти измерения?

– Да.

– И?

– Сами по себе они еще ни о чем не говорят. В конце концов, она всего лишь ребенок, а в ее возрасте половые признаки еще не вполне развиты. Но индекс все же указывает скорее на женщину, чем на мужчину. – Эми подняла голову девочки и мягко обняла ее ладонями. – Череп часто бывает лучшим индикатором. Для начала, он меньше, чем был бы у мальчика. Сосцевидный отросток и надбровные дуги у женщин менее выпуклые, а глазницы и лоб более округлые. – Она провела по этим изгибам, чтобы проиллюстрировать свои слова. Затем посмотрела Макнилу прямо в глаза. – Я процентов на девяносто пять уверена, что это девочка.

– А как насчет остальных пяти?

– Чутье. Но ты велел вычесть его из уравнения.

Макнил улыбнулся.

– Точно. Что еще можешь сказать?

– Могу сказать, что ребенок, по всей видимости, из какой-то бедной развивающейся страны, и у нее есть две заметные визуальные характеристики.

– И как ты можешь сказать это всего лишь по грудке костей? – опешил Макнил.

– Потому что она знает свое дело, мистер Макнил, – сказал Том с явной гордостью за Эми. – Эми была одним из лучших судебных стоматологов в Лондоне, до того как... – Он свернул не на ту дорожку, прежде чем успел опомниться, и теперь запинка лишь привлекла внимание к теме. – До несчастного случая, – поспешно добавил он. – А мастерство не пропьешь.

Эми покраснела и сосредоточилась на черепе.

– Видишь ли, это череп монголоида. Знаю, звучит не очень политкорректно, но все эти термины такие. Черепы могут быть негроидами, европеоидами или монголоидами.

– Мне всегда казалось, что слово «европеоид» больше подходит для робота-уборщика из «Звездных войн», – сказал Том.

Макнил не улыбнулся.

– А что значит монголоид? Азиат?

– Он самый, – ответила Эми. – Эскимосы, японцы, китайцы... Все они монголоиды. Себя я тоже назвала бы монголоидом.

Макнил посмотрел на ее раскосые карие глаза и высокие скулы, изящный подбородок и небольшой лоб и подумал, что скорее назвал бы ее красивой. Длинные и блестящие черные

волосы Эми были откинута за спину и связаны в хвост у затылка, а челка доставала почти до ресниц. Эми подняла взгляд, обнаружила, что Макнил смотрит на нее, и тут же снова занялась ребенком.

– Но больше всего о ней расскажут зубы. Монголоидные черты черепа в детском возрасте менее явные, но обычно у монголоидов лопатообразные верхние резцы. – Эми показала на оба зуба. – Кроме того, зубы более выпуклые, а у резцов короче корни.

– Но откуда ты знаешь, что она не такая, как ты? То есть, китайка, азиатка по происхождению, но родилась и выросла в Британии?

Эми улыбнулась.

– Потому что у нее великолепные зубы. Никакого вмешательства стоматолога. Вообще. Ей оно было без надобности. Нет сахара в рационе, и зубы не портятся. Для десятилетнего британского ребенка такое нехарактерно.

– Ей было десять?

Эми кивнула.

– Да.

– Какова погрешность?

– Плюс-минус три или четыре месяца. Развитие зубов – очень точный индикатор.

Макнил на мгновение задумался над услышанным.

– Ты сказала, у нее были две заметные визуальные черты.

– Она азиатка, конечно же. Но не из Индии или Пакистана. Скорее всего, китайка. Знаю, тебе мы все кажемся на одно лицо, так что ты вряд ли отличил бы ее от меня в том же возрасте. За исключением одной очень интересной особенности. – Она помедлила, предоставив Макнилу с нетерпением гадать, что это может быть. – У нее была заметная заячья губа, – сказала Эми. – Именно так ты привык это называть. Мы бы назвали это расщелиной неба. – Эми развернула череп к Макнилу и наклонила так, чтобы лучше было видно. – Серьезный дефект в верхнечелюстной кости, к которой прикрепляются зубы. Расщелина может быть незначительной или серьезной, как в этом случае. Она бывает односторонней и двусторонней. Эта односторонняя. Видишь большой сдвиг задних верхних зубов? – Эми посмотрела на Макнила. – Боюсь, девочка выглядела очень необычно. Все поворачивали головы ей вслед. И вероятно, в школе ей немало доставалось от других детей.

Где-то в глубинах пальто Макнила совершенно не к месту затрещала электронная версия «Смелой Шотландии». Он выудил из кармана мобильный, и вся лаборатория прослушала ничем не заглушаемый рингтон. Когда Макнил доставал телефон чуть раньше, то видел два пропущенных звонка. Оба от Марты. Она оставила сообщения, но Макнил их не прослушал. Это снова звонила она. Макнил сбросил звонок, не ответив, и сунул телефон обратно в карман.

– Видимо, неважный звонок, – прокомментировал Том.

Макнил неловко передернул плечами.

– Жена.

– А-а, – отозвался Том. – Та, которая должна слушаться. – Он помолчал. – Или нет?

– Напишешь для меня отчет до ухода? – спросил Макнил у Эми.

– Конечно.

Он кивнул.

– Спасибо.

Макнил сунул руки в карманы и направился к двери. Том наблюдал за ним с нескрываемым презрением.

– Ты же настоящий гений, – сказал он Эми, – а максимум, на что он способен, это сказать «спасибо».

– Я же просто выполняю свою работу, Том. Многие и этого не сказали бы.

Том фыркнул.

- Он просто кретин. Вот уж не знаю, что в нем может найти женщина.
 - Ты о его жене?
 - Она наверняка слепая и передвигается с поводырем.
 - Они разъехались.
- Том с удивлением посмотрел на нее.
- Да ты просто кладезь ценной информации! Откуда ты это знаешь?
- Эми вспыхнула, пожала плечами и повернулась к костям, чтобы скрыть смущение.
- Не знаю. Просто слышала, вот и все.

Глава 4

Пинки часто видел во сне мать. Он знал, что это его мать, потому что именно так называл ее во сне. Но эта женщина выглядела совершенно по-другому, нежели в воспоминаниях о детстве. И он просыпался разочарованным. Реальность частенько разочаровывала Пинки. Он предпочитал считать, что в часы бодрствования на самом деле спит, а истинная реальность – во снах. Так он мог делать, что пожелает, а когда засыпал, то вроде как ничего этого и не было. Отличный способ примириться с тем, что он получает удовольствие от странных вещей, и это вряд ли поймут другие люди.

Сейчас он вернулся в дедушкин дом. Все как по-настоящему. Пинки так четко его помнил. Все проведенные на диване в гостиной ночи. Ледяной холод зимой. Удушающую жару летом. И книжный шкаф у дальней стены, с той стороны дивана, куда тянулись его ноги. Он потерял счет дням, когда просыпался раньше всех и лежал, глядя на выстроившиеся на каждой полке книги. Книги со странными и чудесными названиями – «Слепец в Газе», «Вершины в облаках», «По ком звонит колокол». Написанные людьми с удивительными именами – Олдос Хаксли, Льюис Грассик Гиббон, Эрнест Хемингуэй. Что за имя такое – Олдос?

Он прождал очень долго, года два, прежде чем осмелился взять с полки книгу и трепетно открыть пожелтевшие страницы. Дедушка преподавал английский в местной школе, потому на полке и стояли все эти книги. Книга называлась «Брайтонский леденец», ее написал некий Грэм Грин. Пинки собирался прочесть только первое предложение. Чтение растянулось на абзац, а потом на страницу. И на следующую. Через год он прочитал все книги на полке. Но та, первая, осталась с ним навсегда. Ее странная мрачность, и время действия – давным-давно, за пределами знакомого мира. И главный герой, точнее, антигерой, который немедленно вызвал симпатию. Подросток из шайки, по имени Пинки. Безжалостный, бессердечный манипулятор. Неотразимо притягательный. Не без недостатков, конечно же, но у кого их нет?

Он немедленно перенял это прозвище. Пинки. И настаивал, чтобы ребята в школе называли его именно так. Ему никогда не приходило в голову, насколько им кажется смешным это имя, как глупо оно звучит. Потому что для него прозвище было синонимом персонажа. И он хотел быть именно таким. Поначалу это вызвало немало насмешек, но вскоре они прекратились. Никто не осмеливался смеяться над Пинки дважды.

Теперь мать наклонилась над кроватью. Он вдыхал запах ее духов, чувствовал тепло щеки у своей. Потом почувствовал ее мягкие губы и сладость дыхания, когда она прошептала: «Спокойной ночи, малыш, спи крепко, малыш». Но тут зазвонил телефон, и, к раздражению Пинки, она сказала: «Мне нужно взять трубку». И ушла. Кто вообще может звонить в такой час? И зачем подходить к телефону? Звонили бы себе дальше. Оказывается, телефон все-таки продолжал звонить, все звонил и звонил, пока Пинки, чертыхаясь сквозь зубы, перекатился по кровати и схватил его с ночного столика. Сон рассеялся. Пинки снова вернулся в мир бодрствования.

– Какого хрена вам надо?

– Доброе утро, Пинки. Надеюсь, я тебя не разбудил.

Пинки сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться. Это по делу. Он тут же узнал голос. Ровный, до странности монотонный голос мистера Смита. А он-то думал, что они все закончили.

– Не разбудили, – соврал он. – Простите, я был занят.

– Пинки, у меня проблема.

Пинки понятия не имел, что это может быть за проблема.

– Какая?

– Тот малый, которого ты для меня нашел... Он не завершил дело.

– То есть?

– То есть не избавился от костей. Выбросил их на стройплощадке. А теперь они у полиции.

– Блин!

Пинки почувствовал, как от злости напряглись мышцы на шее и плечах. Вот ведь мелкий говнюк!

– Хотите, чтобы я с ним разделался?

– Хочу, чтобы ты продолжил заниматься этим делом, Пинки. Убедился, что кости никуда не приведут. Ты же понимаешь, о чем я? Сделай все, что потребуется. – Мистер Смит говорил очень спокойно, но Пинки знал, что это лишь видимость. Знал его взрывной характер и что мистер Смит способен на немыслимые поступки. По правде говоря, Пинки побаивался мистера Смита.

– И как я буду передвигаться?

– Можешь взять мою машину. На нее есть пропуск с разрешением на въезд почти куда угодно. – На другом конце линии замолчали. – Кажется, я нашел способ отслеживать действия полиции. Так мы будем знать точно, что тебе нужно предпринять.

– А почему просто не избавиться от копов?

– Нет-нет, – поспешил сказать мистер Смит. – Если что-нибудь случится с расследующим дело копом, это только привлечет внимание. Этого нам уж точно не надо.

Глава 5

I

Эми ехала на восток по Тули-стрит на маленькой желтой «Тойоте». Предназначенный для инвалидов концепт-кар японского автоконцерна приспособили под ее кресло. Дверь со стороны водителя отъезжала назад, а выдвигающийся пандус поднимался и опускался, аккуратно перенося Эми на место у руля. Обошлась машина недешево, как и любые приспособления для инвалидов, но денежная компенсация позволила обустроить нормальную жизнь, насколько это возможно.

Теперь ездить стало проще – улицы почти опустели. Хотя в последнее время она редко куда-либо выбиралась.

Эми миновала вереницу армейских грузовиков, торопящихся на запад, и посмотрела на север, в сторону реки, на скошенные изгибы стекла и бетона Сити-холла. Это стекло, как однажды сказал мэр, метафора прозрачности правительства. Теперь здание и впрямь просматривалось насквозь. Потому что опустело. Пустопорожние обещания окончились ничем. Несмотря на все тщательное планирование, правительство не предвидело пандемии такого масштаба.

Эми свернула на Три-Оук-лейн¹, где, вероятно, когда-то росли три дуба. Но их давно уже там не было. На Гейнсфорд-стрит она свернула к многоуровневой парковке и въехала по пандусу на свое место на третьем этаже. В свое время ей удалось получить только это место, так что приходилось полагаться на милость лифта. Если он работал – никаких проблем. А если нет, то у нее неприятности. Сегодня он с грохотом, но без запинки опустил ее до первого этажа, и она покатила по камням мостовой к воротам «Колониальной верфи» – скопищу новых зданий и переделанных складов вокруг открытого пространства. Повизгивание электромотора казалось очень громким в тишине серого дня, а странный голубоватый свет высосал все краски из желтого кирпича. Не было видно ни души.

Когда-то давным-давно эти улицы, переулки и здания кипели жизнью. Докеры, складские рабочие, грузчики. Вверх по реке в Лондонский Пул² приходили суда с грузом экзотических фруктов и специй из дальних уголков Британской империи. Между возвышающимися складами под странными углами тянулись подвесные металлические мосты. Огромные арочные ворота выходили к Темзе, люди каждый день выстраивались там в надежде найти работу хотя бы на несколько часов. Теперь это место переживало период возрождения, став домом для тех жителей города, которые могли себе его позволить, их обслуживали винные бары и рестораны для гурманов, оживляющие мощеные улицы. Но сейчас установилась зловещая тишина. Не осталось даже эха прошлого.

Эми наклонила пандус у двери машины и открыла ее, чтобы въехать в квартиру. Когда-то здесь был склад для хранения специй. Дама преклонных лет, которая продала ей квартиру, говорила, что до начала переделки обошла в строительной каске все здание. «Это было боже-ственно, милая, – сказала она. – Все вокруг пропахло гвоздикой».

В здании было три этажа, и Эми занимала два верхних. Весьма непрактично для человека в инвалидном кресле, но она твердо намеревалась ничем не жертвовать по причине инвалидности. Если бы до аварии у нее были деньги, она бы с радостью поселилась в таком месте. Сейчас она могла себе его позволить и решила не идти на компромиссы. А потому установила

¹ Three Oak Lane – переулок Трех дубов (англ.)

² Лондонский Пул – отрезок Темзы у Тауэрского моста, старейшая часть лондонского порта.

подъемники у обеих лестниц и поставила на каждом этаже инвалидные кресла. Она спала на втором этаже и жила на третьем, в огромном открытом пространстве под деревянными балками, которое разделила мебелью и книжными полками. В дальнем углу находилась открытая кухня, а стеклянная дверь у задней стены выходила на квадратный металлический балкон, где летом можно было почитать и поваляться на солнце.

Эми подкатила кресло к нижнему подъемнику. Руки теперь у нее были сильные, она научилась подтягиваться, хотя хрупкая фигурка весила немного. Иногда подъемник казался раздражающе медленным. Сегодня она просто закрыла глаза и поехала вверх, прижимая к коленям маленький сверток. Утро выдалось тяжелым. Не каждый день сравниваешь себя с убитой.

Но почему-то эта бедняжка тронула ее до глубины души, Эми никак такого не ожидала. Она вспомнила, сколько трупов прошло через ее руки; головы, которые она приносила домой, чтобы с ними поработать, и как всегда отделяла себя от неприятной работы. До сегодняшнего дня. Каким-то образом это скопище маленьких косточек еще хранило дух ребенка. Эми это тревожило, и когда она держала в руках череп, то могла поклясться, что чувствует страх девочки, передающийся от костей в ее собственное нутро.

Все двери на первом этаже дома были закрыты, лишь просачивающийся через входную дверь свет пронизывал темноту. В воздухе витал необычный запах, но Эми отвлеклась, когда положила сверток, чтобы переместить кресло, и не обратила на него внимания. Темнота ей не мешала. Иногда она могла часами сидеть с выключенным светом и притворяться, будто ничего не произошло. Будто через секунду она просто решит включить свет, поднимется и сделает это.

Эми направила кресло к подножию второй лестницы и внезапно оторопело остановилась, не заметив мелькнувшую в сумраке за спиной тень. Подъемника не было. Эми запрокинула голову и увидела, что он наверху. Как такое могло случиться? Выходя сегодня утром, она оставила его на нижней площадке. Наконец она учуяла слабый запах, который не замечала еще несколько секунд назад, и ее сердце остановилось. Но тут чья-то рука обвила ее сзади и зажала рот. Эми попыталась закричать, но не могла разжать губы, рука крепко их держала. Эми обеими руками вцепилась в рукав нападавшего, пока тот молча переместился, чтобы схватить ее и вытащить из кресла.

Эми была совершенно беспомощна, бесполезные ноги болтались в воздухе. Она могла лишь вцепиться в него, пока он пересекал лестничную площадку и пинком открыл дверь в спальню. В три широких шага он оказался у кровати и бросил Эми на покрывало и подушки, убрав руку от ее рта.

– Вот сволочь! – выкрикнула Эми и схватила его за шею, дернув изо всех сил, так что он свалился на нее, губы к губам.

Когда они расцепились, Эми задыхалась, а он ухмылялся.

– Ты просто чудо, – сказал он.

Она не могла удержаться от улыбки.

– Я просто делаю свою работу, инспектор.

Макнил снова ее поцеловал, в этот раз совсем мимолетно, и отбросил волосы с ее глаз. Таких прекрасных темных глаз. Он смотрел на Эми с восхищением и желанием.

– Что бы сказал доктор Беннет, если бы видел нас сейчас?

По ее лицу мелькнула тень.

– Возмутился бы. Он считает, что ты из тех копов, которые готовы избить человека только за то, что он гей.

– Его я бы с радостью поколотил. Но не потому, что он гей. А потому что мерзкий говнюк. Эми оттолкнула его.

– Он мой друг, Джек. Лучший друг на всем свете. Без него я бы не пережила последние два с половиной года.

Макнил глубоко вздохнул и придержал язык.

– Я знаю. Но теперь у тебя есть я.

– И надолго ли? Как скоро пройдет ощущение новизны?

– Не глупи. Ты прекрасно знаешь мои чувства к тебе.

– Я знаю, какие чувства хотела бы в тебе видеть. Но, кажется, ты никогда мне о них не говорил.

– Тогда я лучше покажу. Слова никогда мне не давались.

Макнил наклонился и снова ее поцеловал. Поначалу она сопротивлялась. Эми угнетало, что двое главных мужчин в ее жизни на ножах, и приходится скрывать одного от другого. И ведь они даже не соперники. Макнил разжал ей губы языком, и в конце концов Эми сдалась, желание нахлынуло внезапной волной.

Когда ей сказали, что она вряд ли когда-либо будет ходить, Эми решила, что с сексом покончено. Позвоночник не был перерезан, лишь поврежден. И она всегда контролировала мочевой пузырь и кишечник. Но просто не знала, способна ли что-то там ощущать. Пока не познакомилась с Макнилом. Все было как в первый раз. С болью, наслаждением и слезами. До этого момента она не вполне ему верила. С чего вдруг крепкий и сильный мужчина вроде Макнила заинтересуется маленькой китайкой, которая не может ходить. Но он был так нежен с ней, что Эми тотчас же поняла: он гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Сложный, застенчивый, внимательный, со множеством пунктиков, взращенных пресвитерианским воспитанием. Не то чтобы он был гомофобом, просто его смущала любая открытая демонстрация сексуальности. А Том носил свою гомосексуальность как нагрудный значок.

Макнил стянул с себя рубашку и снял с Эми туфли, а потом занялся ее блузкой и длинной черной юбкой. И вдруг остановился.

– Нам лучше этого не делать, – сказал он. – Я могу передать тебе грипп. Я с большей вероятностью его подхвачу.

– Тогда лучше вообще перестать жить, потому что мы все равно умрем, – посмотрела на него Эми. – А если не жить, пока это возможно, то и умрем мы, так и не пожив.

II

Белый фургон «Мерседес» грохотал по Аспен-вэй. Обе полосы дороги были пусты. Машина проехала под мостом Доклендского легкого метро, и к югу от дороги между бетонными причалами набережной Вест-Индии замелькала свинцово-серая вода. Облака над головой поредели, в холодном утреннем воздухе мерцал отражающийся от воды безжизненный желтый свет.

Пинки было неуютно в форме, сидящей не по фигуре, зато он наслаждался безопасной анонимностью под респиратором и очками, скрывавшими почти все лицо. Козырек бейсболки он натянул до самых бровей и не спускал глаз с солдат, которые двинулись в его сторону, когда он свернул направо, к въезду на Северный мост, около рыбного рынка Биллингсгейт. Тут находилось около двадцати солдат, устроивших что-то вроде постоянного лагеря. У армии установилось нечто вроде перемирия с засевшими на другой стороне моста снайперами. Здесь стояли бронетранспортеры и было натянуто ограждение из колючей проволоки. Пинки затормозил и опустил стекло. В воздухе пахло рыбой, хотя уже много недель никто не рыбачил. Но запах как будто прилепился к этому месту.

Первый солдат осторожно приблизился, нацелив на водительское окно оружие. Он протянул руку за документами Пинки, внимательно изучил их и вернул. Потом махнул автоматом в воздухе.

– Снимите маску.

У Пинки екнуло сердце. Он не подумал, что его могут об этом попросить. Он снял бейсболку и маску.

Солдат подозрительно покосился на него.

– А где Чарли?

– Болен, – ответил Пинки.

И солдат тут же невольно сделал шаг назад.

– Вы с ним контактировали?

Пинки покачал головой.

– Я с ним даже не знаком. Меня взяли на замену.

Солдату явно полегчало.

– Надевайте маску. – Он обернулся и прокричал людям у ограждения: – Пропустите его.

Солдаты оттащили кольца колючей проволоки, чтобы дать ему проехать по мосту.

Пинки натянул маску и включил первую передачу. Грузовик фыркнул и рванул к мосту. На другом берегу реки туман пронзали небоскребы. Логотипы компаний сообщали имена владельцев. «Макгроу-Хилл». «Банк оф Америка». Пинки беспокойно оглядел небоскребы в поисках снайперов, которые, как он понимал, сейчас прицелились в него из винтовок. Но никого не увидел. Он медленно рулил по дороге мимо пустой будки охраны и остановился перед мостом. С южной стороны он был поднят под углом градусов в сорок пять. Обычно мост разводили, чтобы пропустить крупные суда, но сейчас он создавал весьма эффективную преграду. Кто-то дернул за рычаг, и мост начал медленно опускаться, пока снова не стал городской артерией, соединяющей юг города с районом Кэнери-Уорф на Собачьем острове.

Пинки медленно проехал на другой берег реки и заметил в зеркале заднего вида, как мост снова поднимается. Пинки посмотрел на прилепленную к приборной панели схему. На ней был четко обозначен весь маршрут и остановки. Придется тщательно следовать ему, чтобы не вызвать подозрений. Пинки знал, что на Трафальгар-вэй и Вестферри-роуд тоже есть блокпосты, чуть дальше кругового перекрестка на Банк-стрит. Обратный путь пролегал через блокпост на авеню Вест-Индия, в сторону развязки на Вестферри. Но до того он на ничейной территории, островке добровольного карантина в сердце восточного Лондона.

Пинки часто гадал, почему это место называли Собачьим островом, хотя на самом деле это полуостров, образованный большой излучиной реки. Лишь теперь он понял, что петля на самом деле отрезана от северного берега сетью причалов и каналов, сооруженных для обслуживания самого загруженного порта в мире. Видимо, именно здесь Генрих VIII держал собак, отсюда и пошло название. По крайней мере, так сказал Чарли, как раз перед тем, как Пинки мягко вонзил шесть дюймов холодной закаленной стали ему под ребра. Хорошим парнем был этот Чарли. Жаль, что ему пришлось умереть.

Пинки ехал на юг, через Канада-сквер к Джубили-плейс, по бетонному каньону между возвышающимися зданиями. И ни единого признака жизни, ни души на улицах. Район Кэнери-Уорф стал городом призраков. Напротив станции подземки маялилась на восточный берег, на различимые в тумане контуры Купола тысячелетия, статуя частично безголового создания, получеловека-полулошади, обрамленная шестью суровыми голыми деревьями. Безрукий торс лежал наискось под лошадиным брюхом, голова примостилась в выемке на боку лошади. Пинки криво улыбнулся. И это называется искусством?

Пинки свернул на Банк-стрит и увидел перед собой синий металлический мост Доклендского легкого метро, соединяющий над водой станции «Кэнари-Уорф» и «Херон-Кей». Здесь не было ни следа вандализма, изуродовавшего центр города. Окна не заколочены. Магазины и рестораны закрыты, но выглядят как прежде. Бар «Слизняк и зелень». Торговый центр «Джубили-плейс». Любого, кому здесь не место, любого потенциального носителя вируса просто пристрелят в мгновение ока. Так что никто не совался на эти улицы, даже местные, потому что вопросы здесь задавали уже потом, когда было слишком поздно.

Уголкем глаза Пинки засек движение. Белый гольфкар с водителем в синей форме и торчащей у плеча винтовкой. Лишь проблеск белого и синего, а потом гольфкар пропал, быстро свернул в тень зоны погрузки. Многие работавшие здесь охранники вступили в местный добровольческий отряд и ездили на конфискованных гольфкарах. Оставалось загадкой, где они добывали оружие. Но здесь жили богатые и могущественные люди. А когда на кону деньги и жизнь, возможно все.

Первая остановка – на подземной парковке с южной стороны площади. Пинки нырнул по пандусу на мрачную и пустую парковку, занимавшую весь подвал здания. Низкий потолок поддерживали металлические балки. Здесь стояла пара машин, но никаких следов жизни. Конечно, Пинки знал, что кто-нибудь наверняка наблюдает. Он остановил машину, но не заглушил двигатель, быстро выпрыгнул и бросился открывать задние двери фургона. Следующие полчаса он вытаскивал коробки на пневматический подъемник, а потом опустил его на пол и переставил коробки на бетон. У Пинки были накачанные мускулы, но после такой тяжелой работы он обильно вспотел. Снаружи невозможно было понять, что лежит в коробках, но он не сомневался – там консервы. По этому маршруту ездили двадцать фургонов в день, обеспечивая припасами почти двадцать пять тысяч человек, живущих на острове.

Когда он перемещал последнюю коробку, из-за штабеля оставшихся в машине ящиков выскользнула голая рука. Ладонь Чарли застыла в таком положении, словно он цепляется за крикетный мяч, который у него только что вырвали. На предплечье виднелись брызги крови. Пинки быстро отпихнул руку с глаз подальше и посмотрел по сторонам – не заметил ли кто. Но по-прежнему никого не увидел. Он передвинул несколько коробок, чтобы Чарли больше не явился в самый неподходящий момент, прыгнул вниз и закрыл тяжелые двери, спрятав труп от любопытных глаз.

Под маской было жарко и неудобно. Пот заливал глаза. Пинки залез обратно в кабину. Ближайшая пара часов будет тянуться долго.

III

Эми лежала на спине, глядя в потолок. Ее поднятая левая нога упиралась в плечо Макнила. Он стоял перед ней на коленях и массировал большими ладонями икроножную мышцу, сильные большие пальцы давили на мягкую плоть. Он дошел до колена и поднялся к бедру, разминая ногу длинными похлопывающими движениями. Эми так хотелось это почувствовать. Так странно знать, что тебя трогают, но ничего при этом не чувствовать. Вряд ли она когда-либо к этому привыкнет.

Иногда ей казалось, будто она ощущает слабое покалывание в ступне, как от мелких иголок, и ее снова охватывала надежда. Может, однажды она все-таки снова начнет ходить. Врачи твердо сказали «нет». Но в дни оптимизма Эми твердила себе, что доктора могут ошибаться. А в дни пессимизма боялась, что покалывание – это лишь разыгравшееся воображение. Она выдает желаемое за действительное.

Но Макнил не сомневался. Конечно, она снова сможет ходить. И нужно поддерживать мышцы эластичными и сильными. Нельзя допустить, чтобы они усохли. И потому он часами массировал ей ноги, каждую группу мышц, сгибал ноги в коленях и лодыжках. Вверх и вниз, вверх и вниз. Он как будто обладал бесконечным терпением. Во время массажа они никогда не разговаривали. Макнил работал в тишине, и Эми наслаждалась незнакомым прежде спокойствием. В былые времена она выплеснула бы на него все свои тревоги, проблемы на работе и осложнения в отношениях с братом. И часто после этого нашла бы решения, хотя бы частичные, или утешалась бы мыслями, которые не пришли в голову раньше.

Сегодня она нарушила их обоюдный кодекс молчания.

– Я принесла ее домой, – сказала она.

– Кого?

Макнил нахмурился и замер, не доведя до конца движение.

– Лин.

– Что еще за Лин?

– Девочка с расщелиной неба.

Макнил подался вперед и посмотрел на нее.

– Ты о чем вообще, Эми?

– Так я ее называю. Лин. У нее же было имя, а мне всегда нравилось Лин. У меня есть двоюродная сестра Лин, в Гонконге, и мне всегда хотелось, чтобы родители назвали меня именно так.

– А мне нравится Эми, – сказал Макнил и снова занялся ее ногой. – Что значит – принесла ее домой?

– Решила поработать с ее головой. Сделать реконструкцию. Это поможет понять, как она выглядела, так ведь? С такой-то изуродованной верхней губой она очень выделялась. Ее легко узнать, вот я о чем.

– В смысле, ты что, принесла сюда череп?

Эми кивнула.

– А вонять он не будет?

– Чуть-чуть. Но я буду работать у балконной двери наверху. Ты ведь знаешь, там есть балкончик, выходящий в сад. И пока нет дождя, я держу дверь открытой, так что все нормально. – Она приподнялась на локте. – Подними меня наверх, и я тебе покажу.

Макнилу нравилась комната на верхнем этаже. Там было просторно и много воздуха, это вдохновляло. Полная противоположность крохотной клетушки в Ислингтоне, где он ночевал. Он помог Эми установить стол у балконной двери и принес все необходимое из большого шкафа у дальней стены. Он никогда прежде не видел ее за работой над черепом и опешил, уста-

вившись на шеренгу голов, выставленных напоказ на средней полке шкафа. Лысый мужчина, молоденькая девушка, мальчик, две пожилые женщины и незаконченный мужчина с серьезной раной головы.

Эми обложила книгами, схемами, креплениями и кусками пластилина, а Макнил завороченно наблюдал, как она водружает череп на подставку и устанавливает инвалидное кресло в удобное для работы положение. С открытой дверью запах был не таким уж сильным.

– Ты собираешься слепить лицо прямо на черепе?

– Нет, сначала сделаю гипсовый слепок черепа, а потом отпечаток нижней челюсти в самоотверждающейся смоле. Мы же не хотим повредить улику.

Макнил зачарованно наблюдал за приготовлениями.

– Откуда ты знаешь, как выглядело лицо, имея лишь череп? Ну, в смысле, они же все выглядят одинаково, разве не так?

Эми улыбнулась.

– Прямо как китайцы?

Макнил почувствовал, что краснеет.

– Ты прекрасно меня поняла.

Эми с улыбкой кивнула.

– Я просверлю маленькие отверстия в тридцати четырех важных точках черепа, а потом вклею в них деревянные штырьки, всего два с половиной миллиметра в диаметре. Штырьки отметят среднюю толщину мягких тканей в соответствии со шкалой, созданной человеком по имени Хелмер, который вычислил эти значения путем ультразвуковых измерений живых людей. Так что они довольно точные. Затем я вылеплю лицо по так называемому «американскому» методу. Это скорее научный, чем творческий процесс. Нужно наклеить тонкие полоски пластилина шириной около пяти миллиметров на толщину тканей, создав как бы слой мышц под кожей. Зубы и челюсть обуславливают форму рта, в особенности расщепленная губа. Форму переносицы определяют по размерам носовых костей. Существуют таблицы измерений, устанавливающих форму и линию века, и, конечно, тут свою лепту вносит раса.

– Где ты всему этому научилась?

Эми передернула плечами.

– Я всегда этим интересовалась. Но после аварии у меня осталось не так много занятий, для которых не нужны ноги. Это одно из них. Конечно, мне сильно помог куратор из БАИЛ.

Макнил знал, что Эми – член Британской ассоциации по идентификации людей. Это неформальная научная ассоциация экспертов из разных областей криминалистики, от патологоанатомов и полицейских до адвокатов и дантистов. Но он ничего не слышал о кураторах.

– У тебя был куратор?

– Да. Пожилые эксперты, чаще всего пенсионеры, иногда берут под свое крыло молодежь. Мой куратор – антрополог на пенсии. Сэм. Мы общались по имейл и в мессенджерах.

Макнил некоторое время наблюдал за ее работой, восхищаясь проворством тонких длинных пальцев. У нее была изумительно белая и гладкая кожа, а уголки губ слегка приподнимались, как будто она постоянно улыбается, – отражение характера, который могла задеть лишь настоящая трагедия. Макниту хотелось прижать ее к себе, обладать ею, поглотить. Он никогда не чувствовал такого ни к одному человеку. И был удивлен, даже потрясен, когда в нем зародилось это чувство. Он и не предполагал, что способен на такое.

В кармане заиграла «Смелая Шотландия». Он вытащил мобильный и посмотрел на экран. Марта. Он уже собрался сбросить звонок.

– Это она?

Макнил поднял голову и встретился с серьезным взглядом Эми. Он кивнул.

– Тогда тебе стоит ответить.

Что-то в ее взгляде заставило его почувствовать себя виноватым за то, что все утро пытался уклониться от этого звонка. Он ткнул по зеленой кнопке.

– Чего ты хочешь, Марта?

– Боже мой, Джек, где тебя носит? Я часами пытаюсь до тебя дозвониться.

От ее тона в душе зазвонили тревожные колокола.

– Что-то случилось?

– Шон.

Макнил услышал, как ее голос надломился.

– И что с ним?

– Он заболел, Джек.

IV

Пинки свернул на юго-запад по Манчестер-роуд, мимо церкви Христа, святого Иоанна и святого Луки. В проеме между домами, за деревьями сквера Айленд-Гарденс, он увидел два купола Старого королевского военно-морского колледжа и Гринвичского университета на противоположном берегу реки. От серой поверхности воды поднимался холод, окутывая все тонкой дымкой. За станцией Доклендского легкого метро Пинки свернул налево, на Ферри-стрит, а потом сразу же направо, мимо гребного клуба «Поплар», по улице с новыми жилыми домами из красного кирпича, фасадами выходящими на Темзу.

Паб «Ферри-Хаус» на углу был закрыт, но ворота в жилой комплекс Сент-Дэвидс-сквер открыты. Чарли сказал, что всегда устраивает здесь перекур, а если кто и смотрит, то не возражает. Пинки въехал во двор, мимо тайского ресторана «Королевский слон». Со всех сторон высились шестиэтажные апартаменты с белыми балконами и стеклянными дверьми. В полусумраке пруд с фонтаном в центре двора отливал синевой. Со стороны реки открывался вид на глинистые отмели и Гринвич. Надо всем остальным возвышались три мачты «Катти Сарк».

Пятнадцать минут Пинки разгружал коробки, внимательно следя, не подглядывает ли кто из окон. Наверняка на него сейчас уставились с десятков пар глаз, но он никого не заметил. Он гадал, как делят коробки. Жильцы выходят по одному или парами? Существует ли очередность? И как решаются споры? Он не представлял их жизнь, но, даже не видя этих людей, чувствовал их страх. Он витал в воздухе, в этой тишине, в полном отсутствии признаков жизни.

Пинки закончил разгрузку и закрыл фургон, а затем прошелся по дорожке вдоль берега, вытаскивая из кармана пачку сигарет. Но курить не собирался. Дверь слева вела в вестибюль подъезда, с восьмой по сорок вторую квартиру. Он на мгновение присел на оградку у навеса над входом и вытащил сигарету. Потом пробежался взглядом по крышам напротив. Сейчас или никогда. Наверняка кто-нибудь увидит, как он вошел, но кто его остановит? Разве что у них есть оружие. Кто станет открывать дверь или интересоваться, как там дела у пожилой соседки? Все слишком напуганы.

Он смял незажженную сигарету, поднялся и выкинул ее. Потом потянул на себя дверь и вошел, ожидая пулю в спину. Но пронесло. В вестибюле он выдохнул и поднялся на лифте на последний этаж. Шагнув в коридор, быстро пробежался глазами по номерам на дверях. Квартира 42А находилась в дальнем конце. Пинки быстро дошел до окна в конце коридора и взглянул на реку. Низко над водой гонялись друг за другом чайки, пикировали, ныряли и кричали, а потом взмывали в небо, за пределы видимости. Пинки знал, что на звонок в дверь она не отзовется, а вышибать дверь – слишком много шума. Однако он обладал другими умениями. Он вытащил из кармана тонкий пластмассовый футляр с металлическими стержнями и пару секунд осматривал замок, прежде чем вытащить нужный.

В прихожей за дверью лежал ковер, поглотивший звук шагов. Пинки тихо закрыл за собой дверь и осторожно двинулся по коридору в сторону льющегося из дальней комнаты дневного света. У открытой двери помедлил, прижавшись к стене, и наклонил голову, заглядывая внутрь. Это была большая просторная комната с выходящими на Темзу окнами и дверью на узкий балкон. Стены были увешаны картинами и семейными фотографиями в рамках. Из-за старомодной, громоздкой резной мебели комната казалась меньше, чем была на самом деле, но уютной. Пинки она понравилась. Он бы поселился в таком месте. Оно напоминало дедушкин дом. Правда, Пинки никогда не смог бы позволить себе квартиру в этом доме.

Он услышал какое-то бормотание из-за угла и осторожно шагнул вперед, чтобы определить его источник. За столом сидела пожилая женщина с седыми волосами до плеч и спускающейся на глаза челкой, пальцы с натренированной точностью плясали по клавиатуре компьютера. Очки в тонкой оправе были сдвинуты на лоб, а приставной столик завален бумагами.

Перед ней расстился изумительный вид на реку. Но женщина не сводила взгляда с монитора. Какая напрасная трата времени, подумал Пинки. Люди слишком много времени проводят за компьютером.

Он шагнул в комнату.

– Привет, – сказал он.

Женщина встревоженно оглянулась и потрясенно уставилась на него голубыми глазами.

– Что... Кто вы?

Пинки улыбнулся. Она напонила ему бабушку.

– Твое избавление, бабуля.

Он вытащил из-под комбинезона пистолет с прикрученным глушителем и выстрелил, всего один раз. Выстрел проделал аккуратную дыру во лбу, но кровь и мозги из выходного отверстия забрызгали все окно. Она упала ничком, и кровь впиталась в ковер. Пинки поморщился. Он не любил беспорядок. Чистота, аккуратность. Такие добродетели вдалбливала в него мать. Честность, доброта, преданность. Усердие. Если работа стоит того, чтобы ее сделать, то делать нужно как следует. Никогда не начинай того, что не сумеешь закончить.

Он пересек комнату, чтобы взглянуть на семейные фотографии на стене. Вот и она. Глава семьи. Дети и внуки вокруг нее. Счастливые и улыбающиеся. И Пинки даже опечалило, что именно он лишил их всего этого. И правда жаль.

От звука, похожего на детский плач, он вздрогнул. Обернулся с поднятым пистолетом и увидел черную кошку с белой манишкой и белыми лапками, обнюхивающую голову мертвой хозяйки. Кошка знала – что-то не так, но не понимала, что именно. Пинки убрал пистолет.

– Ох, киса. Кто же теперь будет тебя кормить?

Кошка отозвалась на голос и направилась к нему с поднятым хвостом, слегка загнутым на кончике. Пинки нагнулся и взял ее на руки, нежно погладил по животу. Это была старая кошка, привыкшая к людям. И мурлыкала так громко, что чуть ли не задышалась.

Пинки отнес кошку на кухню и поставил на столешницу, а сам обшарил шкафчики в поисках кошачьего корма. Тот оказался под раковиной. Пинки открыл две банки и вывалил их содержимое в пару тарелок. Так бедняжка продержится какое-то время. Кошка выгнула спину и принялась за еду, а Пинки мягко поглаживал ее хребет.

– Бедная киса, – сказал он. – Бедная старая киса.

Глава 6

I

Знакомую до уныния квартиру они купили на его сбережения и наследство Марты. Но Макнил все равно выплачивал непомерную ипотеку. Скромная квартира с двумя спальнями, на первом этаже двухэтажного современного дома в Форест-хилле, зеленом пригороде к югу от Лондона. Но зато при доме был сад – для Шона, а Макнил мог добраться до Ламбета всего за двадцать минут, если ехать не в час пик.

Они переехали сюда полные надежд – мать, отец и ребенок. Но через восемь лет улица стала лишь болезненным напоминанием о том, как рассыпались в прах мечты. Все это место было проникнуто духом неудачи.

Их брак не был заключен на небесах. Макнил впервые приехал в Лондон в двадцать семь лет – неопытный и наивный паренек из шотландской сельской глубинки. Лондонская полиция была для него вызовом, авантюрой. С Мартой он познакомился в первый же месяц, на вечеринке полицейских. В то время она встречалась с одним детективом, но отношения уже близились к концу. Их с Макнилом сразу потянуло друг к другу. Отношения держались по большей части на сексе. Они занимались любовью при каждой возможности и в любом удобном месте. Сняли квартирку в Луишме и проводили большую часть его выходных в постели, питались мороженым, напивались и занимались сексом. Это была безумная жизнь, похожая на американские горки, свободная от обязательств, без каких-либо мыслей о будущем.

Но однажды Марта объявила, что беременна, и жизнь изменилась.

Оба не понимали, как это могло произойти. Они были осторожны. Но вот поди ж ты. Марта была в полном раздрае. Она страшно хотела детей, но не сейчас. Она заговаривала об аборте, но Макнил и слышать не хотел. Сам он не отличался религиозностью, но родители всю жизнь были пресвитерианцами Шотландской свободной церкви, и хотя он в их Бога не верил, соответствующая мораль впечаталась в его душу. В конце концов, Макнил обрадовался, что сумел отговорить Марту от аборта. В особенности в тот день, когда родился Шон и Марта взяла сына на руки, а по ее щекам лились слезы. И сквозь слезы она видела, что ее здоровенный и суровый шотландский муж тоже плачет.

Макнил остановил машину у подъездной дорожки и запер ее. Теперь вместо одной двери в доме сделали две – красно-коричневую и белую. С замирающим от страха сердцем Макнил поднялся по ступеням. Всего два слова уничтожили все, что осталось от его жизни. Шон заболел.

Он еще не успел подойти, а Марта уже открыла дверь. Внешность бывшей жены потрясла Макнила. Лицо без кровинки, под усталыми глазами проступили глубокие тени. С прошлой встречи она, казалось, постарела, выглядела напряженной и измученной. Неужели прошла всего неделя? Но тогда не было и намека на болезнь Шона. Школы закрыли, и Шон с матерью почти ни с кем не общались. Как же он мог заразиться? Макнил додумался задать только этот вопрос. И в нем прозвучал заметный намек на обвинение.

– Не знаю. – Она покачала головой, и Макнил уловил в голосе отчаяние. Они вошли в дом. – Может, от тебя. Мы же никуда не ходим. Может, это ты принес заразу.

Макнил сжал челюсти и не ответил, сдерживая поднимающийся к горлу гнев.

– Где он?

– В Куполе. Вчера ночью я вызвала врача. В четыре утра он начал кашлять кровью. Пове- рить не могу, что все случилось так быстро. Скорая приехала на рассвете. – Она с укоризной уставилась на Макнила. – Почему ты не отвечал на звонки?

– В последнее время ты делаешь все возможное, чтобы мне не хотелось с тобой разговаривать.

Он оглядел гостиную. Там царил полный кавардак. Футболка Шона с надписью «Арсенал» висела на сушилке для белья. Консоль от видеоприставки валялась около телевизора. Макнил смягчился.

– Я работал.

– Ну как же иначе! – Марта не сумела подавить злость в голосе. – Как всегда!

Макнил посмотрел на нее и ощутил знакомый укол вины. Он знал, что она права. После рождения ребенка секс перестал ее интересовать. И так уж вышло, что говорить им оказалось особо не о чем. Все редкое свободное время он проводил с Шоном, и Марту это явно раздражало. Она все больше и больше отдалялась. Макнил проводил все больше времени на работе. Просто хотел быть подальше от всего этого, в любом месте, только не дома. Женился на скорую руку, да на долгую муку, как говорится.

– Прости, – повел плечами Макнил. – Наверное, я кажусь тебе ужасной свиньей.

Он шагнул к ней с намерением утешить.

Марта выставила вперед руку.

– Не нужно, – сказала она. – Если болен Шон, вероятно, я тоже.

Макнил тут же запустил руку в карман пиджака и вытащил пузырек с таблетками, который получил, когда все только началось. Теми самыми таблетками, которые сегодня утром потребовал вернуть Лейн. Он протянул пузырек Марте.

– Вот, возьми.

– Что это?

– Курс «Гриппобоя». Его дают всем копам.

– А если он понадобится тебе?

– Мне плевать. Прошу тебя, я хочу, чтобы ты их взяла. Возьми.

– Их нужно принимать, когда только что заразился.

– Ну да, чем быстрее начнешь принимать, тем лучше. Вот.

Он сунул ей пузырек.

Марта взяла его и посмотрела на этикетку, а потом на Макнила.

– Как жаль, что тебя не было рядом, когда Шон в них нуждался.

Это было больно. А еще больнее, оттого что справедливо.

– Это же ты хотела, чтобы я съехал.

Она сунула пузырек в карман.

– Может, приму их позже. – Она помолчала. – Отвезешь меня в больницу? У меня нет пропуска для поездок по городу. А такси не работают.

Он кивнул.

– Что говорят врачи?

– О чем?

– О его шансах.

Марта посмотрела на него.

– Ничего они не говорят. Да и какой в этом смысл? Все знают, какой процент выживает.

Ее глаза наполнились слезами, и она втянула нижнюю губу, прикусив до крови.

Макнил не мог смотреть ей в глаза. Он уставился на ковер, вспоминая, как валялся на нем с сыном. Когда Шону было года три, они вместе смотрели по телевизору старый фильм с Клинтон Иствудом – «Хороший, плохой, злой». Никогда не предугадаешь, какие слова намертво застрянут в голове у ребенка. Илай Уоллак называл Иствуда лживым ублюдком. На следующий день Макнил с Шоном устроили шутливую потасовку, и мальчик вдруг крикнул: «Ах ты, лживый ублюдок!» Макнил и Марта полчаса хохотали как безумные.

– Тогда нам лучше поехать в больницу.

На улице было почти светло, хотя по-прежнему стоял туман и стало даже холоднее, чем утром. Но после мрачной и гнетущей атмосферы в доме, выйдя наружу, Макнил даже взбодрился.

Открывая дверь пассажирского сиденья для Марты, он заметил, как колыхнулись занавески. Соседи наверняка видели подъехавшую скорую, которая увезла Шона. Теперь Макнилы стали изгоями, современными прокаженными. Никто к ним и на шаг не приблизится.

II

Они проехали через туннель Блэуолл и на развязке свернули на Миллениум-вэй. В Северном Гринвиче, прямо перед ними, возвышался похожий на большую палатку Купол тысячелетия, подвешенный на торчащих наружу стальных колоннах. Двухполосное шоссе привело по заброшенной промзоне к парковке у станции метро и автобусных остановок. Поезда и автобусы давным-давно не ходили, но парковка была забита под завязку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.